

Crème de la Crème

Ладислав Клима

ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ

перевод Натальи Лаитовичковой

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.(4 Чеш)

Ladislav Klíma
Jak bude po smrti

*В оформлении обложки использована гравюра
Рихарда Мюллера (1974-1954).*

Редакторы: В. Спиридонов

Д. Волчек

А. Бобраков-Тимошкин

Обложка и верстка: Д. Протченкова

Руководство изданием: Д. Боченков

©Kolonna Publications, 2011

ISBN 978-5-98144-147-9

Содержание

Божественная Немезида	7
Что будет после смерти	112
Подлинное происшествие, случившееся в Постмортalii	132

I

Когда Сидэр впервые проезжал через альпийский городок Кортон и его величественные, прекрасные окрестности, это произвело на него столь мощное и необычайное впечатление, что на ближайшей станции он сошел с поезда и вернулся. Три дня, проведенные там, оказались самими очаровательными во всей его жизни. Неведомое ему прежде поэтическое сияние непрерывно позлащало душу; вопреки его воле, из нее постоянно струились могучие и загадочные чувства – неясные, но именно поэтому удивительно дразнящие. Часто ему казалось, что ядро этих предчувствий вот-вот вылупится, но в тот же миг они молниеносно улетали в недостижимую даль. Он был опьянен всем миром, само бытие стало его возлюбленной, песни лились из глубины души, а по ночам его окутывали магические сны... Но, несмотря на это, здесь таилось нечто мрачное и ужасающее; в самой глубине души он хранил уверенность, что подо всем этим блеском зияет страшнейшая пропасть.

Может быть, пейзаж извлекал из него все это? Он не находил ответа. Взгляд на огромные, сияющие под ледяным покровом горы, на ползущие по ним тропинки, на дома городка зажигал

в нем волшебные молнии потрясающих чувств, но неизменно порождал вопрос: в конце концов, уж не мой ли переполненный светом внутренний мир бросает лучи на эти предметы, чтобы затем впитать в материнское лоно их отражения, кажущиеся чужими дарами? Все внешнее представлялось ему таким мистически знакомым – однако он вынужден был сказать себе: разве глубинам моей души не известно все, все? Есть ли что-нибудь, не являющееся ее достоянием испокон веков? Иначе как она могла бы вообще видеть и слышать? А, может быть, все видимое – лишь слетающиеся обратно в душу таинственные птицы, некогда покинувшие вечное ее гнездо?

Только в силу необходимости оставил он волшебное место... и, стоило городку пропасть из виду, исчезло тут же, внезапно, и из души загадочное сияние, уступившее место необычайной подавленности и омерзению. Однако и тут Сидэр вынужден был задать вопрос: а не случайно ли именно в эту минуту наступил душевный отлив? Может, здесь присутствует и глубокое самовнушение, а совсем не то сверхъестественное, волшебное, что так манит меня?

Он твердо решил, как только это станет возможным, навсегда переселиться в Кортону...

Через год, на протяжении которого им овладевали неясные, но все же сладостные воспоминания о трех днях, он смог осуществить свое решение.

Наступил май, Сидэру было двадцать восемь лет: лицо его было тонкое, таинственное, прекрасное, мужественное. Однако под силой его извивалось нечто надломленное, порочное, в чем всевидящая душа уловила обреченность на страшную судьбу. Он был человеком состоятельным и полностью независимым.

Когда он, отупевший от длительного пути и взволнованный ожиданием, приехал в Кортону, небо хмурилось, а гор почти не было видно.

Именно эти обстоятельства он счел причиной того, что прошлогоднее настроение не дало о себе знать, и что последующие дни он находился в состоянии, хуже которого и вообразить невозможно. Разочарование и серое омерзение. Так всегда бывает, когда слишком много ожидаешь от того, к чему стремишься, но Сидэру казалось, что размеры его разочарования совершенно не пропорциональны надеждам, хотя они были весьма значительны...

Май был отвратительный: почти сплошные тучи, дожди, снег, ветер, грязь, холод. А когда показалось солнце, оно будто выглянуло лишь затем, чтобы еще больше осветить уродство этих мест. Каким мертвенным было все, какими безжизненными стали горы! Как мертвые воспоминания о мертвой жизни, они застыли гримасой, укоряющей Сидэра за что-то, упущенное им навсегда. Он чувствовал себя здесь все хуже, страх прокрадывался в его душу и, казалось, быстро запускал в ней неистребимые корни.

Особенно две вещи постоянно наполняли его мистическим ужасом. Оленья Голова – возвыша-

ющаяся прямо над городком гора высотой 2500 метров и 3500 метров над уровнем моря; из ее просторного темени торчали, подобно рожкам, несколько тонких, конусообразных скалистых массивов. И ветхий, почти черный двухэтажный домик в конце улочки, переходящей в узкую ложбину; над ним нависла высокая скала...

10

Да и вообще жизнь Сидэра проходила скучно. Он ни с кем не общался, местное наречие почти не понимал. Везде еще было пусто, летние гости пока не приехали. Но все же кое-что придавало живую окраску его серым дням.

Фантазия издавна сотворила для него образ женщины. Неопределенный, мерцающий, но все же сильный, сулящий какое-то странное прояснение и обогревающий душу тайным блаженством. Он часто видел Ее во сне, но образ был противоречивым, хотя после пробуждения он никогда не сомневался в том, что это именно Она. И вдруг он увидел Ее во сне в высотах Оленьей Головы так ясно, что даже утром, проснувшись, на мгновение оказался под впечатлением, что Она стоит перед ним, так что в самой глубине его душа задрожала от силы этой фантазмагии и потока мистических предчувствий. Но уже через миг он не мог воссоздать это видение в своей душе.

* * *

Первый день июня был еще более дождливым, чем предыдущие. Сидэр решил, что завтра навсегда покинет Кортону. Закончив сборы под вечер, он вышел погулять в лесах, находящихся сразу за городом и покрывающих подножие Оленьей головы.

Через полчаса он возвращался в скверном настроении и промокший с головы до ног. Однако небо впервые за долгое время стало наконец синеть. Горы на востоке желтым светом озарил закат. Сидэр шагал по скалистому ущелью, где изредка росли деревья и кусты. Край был дикий и романтический: казалось, он находится совсем далеко от населенных мест; доносившиеся досюда лай, кукареканье и детские крики звучали парадоксально.

II

Он приближался к повороту дороги, и вдруг навстречу ему вышли две дамы. Сидэр шел, задумавшись, и поднял голову лишь тогда, когда они оказались в трех шагах. Посмотрев на даму в красном, что шла чуть дальше от него, он вздрогнул.

Лет двадцати пяти, прекрасная, с бросающимся в глаза беспокойным выражением интересного лица, она отдаленно напомнила ему его видение. В целом она вовсе не была на Нее похожа, но все же загадочно воскрешала образ его сновидений с такой силой, что он невольно остановился.

И тут перевел взгляд на вторую даму в лазоревоголубой одежде. Это произошло именно в тот момент, когда он на узкой тропе почти коснулся ее локтя. Он зашатался, в глазах потемнело, как будто его ударили молотком по голове. Только стыд перед женщинами не позволил ему упасть. Ему показалось, что дама в красном сделала движение, чтобы подхватить его; он нахмурился и, пошатываясь, быстро двинулся дальше. Он не оглянулся, но был совершенно уверен, что они стоят и глядят ему вслед.

Он пришел в себя только тогда, когда дошел до сада летнего ресторана. За ними! – была первая его мысль. Он оглянулся, но их не было видно. Некоторое время он стоял в нерешительности. Потом

сел в саду и ждал до самой ночи, надеясь, что они пойдут обратно той же дорогой. Они не пришли.

Ни разу в жизни он не чувствовал себя так странно, так сладостно, так ужасно. Дама в голубом полностью, полностью отвечала его сновидениям, точно фантазмагория перешла в галлюцинацию.

* * *

12

Отъезд его не состоялся. Кроме того, небо надолго прояснилось, и только сейчас весна, взорвавшись, расцвела во всей своей красоте. Прояснилась и душа Сидэра, снова тихонько засветилось в ней прошлогоднее волшебное сияние. Снова вели с ней таинственные темные речи страшные горы и приветливые леса. Потому что Сидэр был уже влюблен... Но что за странный ужас низким гулом постоянно сопровождал пение его души? ...Ничто так мощно не звучит в музыке, как могучие, черные басы барабанной дробы, ничего нет прекраснее в мире, чем ужас.

Все дни теперь он блуждал по городу и окрестностям, разыскивая своих дам, и не находил их. Не удалось ему и ничего о них разузнать. С той мокрой, желтой предвечерней поры прошла неделя, и Сидэр с болью сказал себе: «Видимо, я больше никогда не увижу иностранок, мельком показавшихся в Кортоне!»

Как будто все, что человек увидит, все, о чем мечтает, все, о чем думает, совсем не обязано снова и снова являться перед ним, представляться ему и все исполнять; как будто единственной движущей силой всего не являются желание, мечта и Воля...

Был прекрасный воскресный день 8 июня. Сидэр сидел в саду того самого ресторана на опушке леса, музыка играла для многочисленных гостей, так как за эту неделю съехалось множество летних посетителей. Музыка погрузила Сидэра в глубокие мечты...

И вдруг он увидел двух знакомых дам, прямо из леса вступающих в сад. Он ужасно испугался, как человек, внезапно падающий в пропасть, и, ошеломленный, почувствовал, что и музыка, точно сраженная ударом, запнулась и притихла, как будто ледяное дыхание коснулось предметов и людей вокруг.

Они подходили все ближе. Взглянуть на них у него не было сил. Они сели за стол шагах в двенадцати от него.

Постепенно он приходил в себя. Снова с блеском до самых высот вознеслась музыка. Он внимательно всматривался в лица женщин.

Отдаленно и загадочно они были похожи. Нечто дрожащее и тонкое, демонически эфирное обволакивало их бледные черты, нечто невиданное им до сих пор на женских лицах. Однако от более молодой дамы в голубом это исходило и веяло несравнимо сильнее... Тонкая, высокая, лет двадцати. Красивая? Что-то слишком ледяное чувствовалось в чересчур бледных чертах худого лица, классически абсолютно правильных, с хищным, но одновременно полным любви выражением, жутких, как кошмарные привидения, полных дикости, а также бесчеловечной и сверхчеловечной нежности. Может, она была более чем красива. То есть некрасива для обычного глаза; каждая чрезмерная красота темнеет от своего слишком сильного блеска.

Но чудотворная необычность этого лица не могла объяснить ошеломляющего, страшного впечатления...

Они не смотрели на него, и казалось, что они не обращают внимания и на все окружающее. Заметно было, что на лице дамы в красном запечатлелось смятение, даже страх. Разговаривали очень мало и тихо; даже когда музыка прекратилась, Сидэр не слышал их голосов.

14

Наконец дама постарше посмотрела на него. Она что-то сказала своей собеседнице, и обе сразу заговорили оживленной... Неожиданно и более молодая дама устремила на Сидэра долгий, даже неприлично долгий взгляд... Сперва он отвел глаза, так как в них потемнело и у него закружилась голова. Но вскоре снова поднял взор – Ее глаза все еще глядели на него так жутко, точно были стеклянными. Он овладел собой. «Здесь необходим поединок взоров», – подумал он, и глаз больше не отводил. Наконец, когда прошло не менее двух минут, Она опустила глаза и медленно закрыла лицо ладонью...

Он глубоко вздохнул, и сладостное чувство охватило его душу.

– Вне всяких сомнений, Она что-то чувствует ко мне!.. Но очевидно Она весьма эксцентрична и даже в высшей степени. Может быть, даже безумна? Фу! Почему я так сужу, уж не потому ли, что она так непривычно долго глядела на меня? А может, Ее глаза действительно стеклянные? Тьфу, все Ее действия никак не свидетельствуют о слепоте. Однако ясно, что это таинственное существо своим взглядом преследовало какую-то определенную цель. Если Она хотела одурманить меня, то это Ей удалось... но не забывай, красotka, что, кроме чувств, которые ты внушила мне гипнозом,

у меня есть еще воля, и она всегда останется бдительной...

Он совершенно упустил из виду, что вокруг него что-то происходило. Что у всех присутствующих какой-то подавленный, испуганный вид, все о чем-то взволнованно, но приглушенно говорят, у отдельных столов образуются небольшие группы, а перед входом в сад толпится народ. И все смотрят на тот самый стол, где сидят эти странные девушки.

15

Снова заиграла музыка, но звучала она фальшиво и заикалась – как будто без всякой души. Дамы теперь уже не разговаривали. На лице старшей больше прежнего отражались страх и беспокорство. Она побледнела, заметно дрожала и постоянно поглядывала во все стороны. Только теперь поведение окружающих показалось Сидэру по меньшей мере странным...

Тут дама в голубом встала, с улыбкой сказала своей подруге несколько слов, вежливо, но гордо поклонилась и быстро пошла к лесу. У калитки оглянулась, и снова Сидэра достиг Ее взгляд, на этот раз мимолетный, но какой многозначительный! Как будто прощальный, повелительный, манящий, многообещающий, ласкающий, грозящий.

– Что делать? – думал Сидэр. – Бежать за Ней, представится Ей? Для этого у меня сейчас не хватит смелости. А что, если я больше не увижу Ее? Ах нет, это бессмыслица! Она не уедет, я что-то для Нее значу. А что если все-таки...

Он видел, как она выходит из сада – и как толпа у калитки поспешно расступается перед Ней...

– Ах, теперь понятно! Это какая-то высокопоставленная дама, герцогиня? Принцесса? Или даже правительница? Нет, невозможно бежать за

нею как за какой-то уличной девкой... Впрочем, всегда умнее со стороны мужчины продемонстрировать женщине безразличие. Она придет, снова придет туда, где буду я, это я ясно чувствую.

Он долго в оцепенении глядел в лесные заросли, в которых она исчезла. И тут вспомнил:

– Ведь я могу обратиться к другой даме, мне она не кажется такой знатной. От нее я узнаю то, что нужно.

16 Он сразу воспрянул духом, но когда оглянулся, то и вторую даму не увидел...

И вдруг его охватило сильнейшее, наполовину радостное, наполовину жуткое беспокойство. Он выбежал из сада. И тотчас заметил, что народ вокруг еще более страстно и громко толкует о чем-то, но ничего не мог понять.

* * *

Прошло несколько дней. Он снова принялся за розыски и узнал, что дама постарше уже три недели занимает номер в Кортонской гостинице, где записалась под именем Эррата С., лицо частное – по-видимому, богатая вдова, – и что в понедельник она внезапно куда-то уехала, однако вещи оставила в гостинице. О ее подруге он не узнал ничего. Многие, правда, видели Ее в воскресенье в обществе госпожи С., однако то, что о Ней рассказывали дальше, звучало так странно, уклончиво и неясно, что Сидэр не знал, за что зацепиться.

Он проводил время, горя демоническим желанием, и целыми днями бегал по окрестным горам. Внезапно 16 июня он получил телеграмму с категорическим призывом тотчас покинуть Кортону, ибо дело касалось всего его имущества.

Он бесился, несмотря на то, что какой-то голос подсказывал ему, что для него лучше будет прекратить это приключение. Приняв решение тотчас, как только это представится возможным, снова вернуться в Кортону, он приготовил все к отъезду, который запланировал на следующий день в девять утра.

В восемь он встал и распахнул ставни. Замечательный, сияющий, теперь уже жаркий день! Еще могущественнее, чем прежде, — будто освеженные сном, поднимались горы в лазоревое небо. Самой близкой, высокой и прекрасной была Оленья Голова. На нее он поднялся позавчера до самого ледника под высокими скалистыми рогами, безумно надеясь увидеть там Ее наяву, как он видел Ее во сне; но тщетно.

Долго глядел он на гору, прощаясь с ней. Он уже почти отвел от нее глаза, как вдруг весь задрожал.

На высоте приблизительно 900 метров, там, где нижний лес уступил место голым скалам, он увидел две точки — синюю и красную... С лихорадочной быстротой схватил бинокль. Это были дамы. Они медленно поднимались наверх.

Не раздумывая, он накинул самую необходимую одежду, схватил трость и выбежал на улицу.

— Сегодня я не уеду, — решительно бормотал он, бегом устремляясь к тому самому ресторану. — Пусть это принесет мне огромный убыток, но ведь речь не идет о жизни или смерти. То, что ждет меня наверху, важнее настолько, насколько душа важнее кошелька. Я обязан, обязан, несмотря на свою робость, вступить с ними в разговор. Но найду ли я их там? Непременно — они, видимо, намерены подняться на самую вершину Оленьей Головы, в противном случае не находились бы в такую рань

столь высоко. Я не могу разминуться с ними – наверх ведет только одна тропа; под вершиной она хоть и делится на две, но с одной тропы прекрасно видна другая. Очевидно, я догоню их на самой макушке. Сейчас, правда, я сильно отстал, но они женщины. Обычно такой подъем длится восемь часов, но, если постараюсь, я одолею его за пять.

Страсть подгоняла его, настроение было приподнятое. Очувтившись в лесу, он пустился бегом по плавно поднимавшейся тропе и бежал так с небольшими передышками почти час, пока не выбрался из леса, в восьмистах метрах над ущельем. Теперь извилистая тропа круто взбиралась на скалистый косогор с редкими низкорослыми соснами. Волнуясь, он посмотрел вверх, думая увидеть там цветные пятна. Но не увидел. Поднимаясь все выше и выше, он прошел мимо того места, где полтора часа назад видел их из своей комнаты...

– Еще сто метров до того самого выступа! Здесь горбатый косогор мешает окинуть взглядом всю окрестность. Там я безусловно их увижу; думаю, на высоте не более шестисот метров над своей головой. До чего жарко, я совершенно мокрый, хуже, чем под дождем. К тому же я жутко устал. Там я отдохну, они не ускользнут от меня, если вообще это они...

Он добрался куда хотел и действительно увидел их наверху, чуть менее чем в шестистах метрах над головой. Он был счастлив. Лег, закурил сигару и предался блаженным мечтам о том, что ждет его наверху. Через двадцать минут он стал быстро подниматься дальше.

Они исчезли из виду. Увидев их снова, он удивился, как высоко они забрались; ему показалось, что они почти у самого ледника.

– Нет, невозможно за полчаса подняться на тысячу с лишним метров. В Альпах высота и расстояние часто бывают так обманчивы.

И вновь они исчезли. Стараясь идти быстрее, он почти час поднимался по крутой, но безопасной дороге. Теперь он их не видел, и, хотя в этом не было ничего сверхъестественного, его это ужасно волновало. Он дошел до того места, где тропа разделялась, отдохнул и свернул налево.

Сейчас он находился на расстоянии восьмисот метров от вершины, и тут ему пришло в голову, что они могли спуститься в противоположном направлении в деревню на другой стороне горы.

– Во что бы то ни стало я должен нагнать их на вершине или увидеть оттуда, как они спускаются вниз.

Какова же была его радость, когда через миг он их увидел! В бинокль он прекрасно разглядел, что они лежат примерно в двухстах метрах под горным хребтом. Это победа! Ведь ему удалось различить не только характерную белизну лиц, но даже их черты.

Он пошел медленнее. Они снова исчезли. И скрылось, сегодня впервые, солнце за облаком. От ледника подул сильный холодный ветер и грозно завыл... И тут же Сидэр услышал сверху крик; слабый, но отчетливый...

– Какое-то несчастье! – Он остановился, пораженный, но сразу пустился бежать. – Неужели одна из них сорвалась? Или кто-нибудь напал на них? Эх, с одной стороны это неплохо: по крайней мере, они увидят, как я им нужен...

Несмотря на то, что его ноги были точно налиты свинцом, он бежал вверх. Но вскоре остановился, снова ошеломленный.

Направо, на расстоянии нескольких сот шагов, на второй тропе он увидел даму в красном, бегущую столь быстро, что она чуть было не сорвалась вниз...

– Что случилось? Я помогу вам! – воскликнул он.

Бежавшая застыла... снова вскрикнула и помчалась дальше. Напрасно он еще несколько раз звал ее, она не остановилась, не оглянулась.

20

– Конечно, сорвалась – Она!.. И ее спутница бежит вниз, чтобы вызвать помощь... Но почему не обратилась ко мне? Видимо, от ужаса совсем растерялась. Однако что бы ни случилось, одна только возможность, что с Нею произошло несчастье, означает, что для меня нет выбора – наверх!

Он поднимался все выше и выше. Облаков на небе было все больше, они увеличивались, становились гуще, темнели и коричневели; ледяной ветер дул и стонал все сильнее. Сидэр добежал до того места, где недавно дамы отдыхали, и там опустился на землю, чувствуя, что если бы не лег, то наверняка сорвался бы вниз. Но через минуту снова поднялся. Несколько раз крикнул. Ответа не было. Или, может быть, все-таки?.. Да – но не донесся ли звук снизу? Он осмотрелся. Новый, едва слышный крик. И тут далеко, далеко он снова увидел даму в красном, в бинокль разглядел, что она стоит и машет руками и платком. Видимо, звала его к себе. Он не знал, на что решиться, и стоял в полном смятении.

– Что все это значит? Она хочет, чтобы я пришел и помог ей найти кого-нибудь или что-нибудь? Или предостерегает меня? Может быть, там грабители? А что, если ее спутница – бандит, переодетый в женское платье?.. Глупые вопросы! Послушаться ее, что ли? Но... Она должна быть

недалеко, все неясно, вместо того, чтобы было ясно... а что если у той внизу просто возникла какая-то мысль, которую ей внушил нелепый женский страх... Но все-таки она знает хотя бы что-то, в то время как я – ничего...

Опять из глубины донеслись крики, и тогда он решился. Стал спускаться. Внезапно раздалось более громкие крики – на этот раз сверху:

– Сюда, сюда!

Он поглядел наверх. Там, где начинался ледник, примерно на пятьдесят метров ниже вершины, он увидел – Ее. Она не двигалась, голубое пятно, даже в бинокль он не разобрал, сидит она, лежит или стоит. Но того, что он видел, было достаточно. Он помчался наверх, не обращая внимания на крики снизу.

На сто метров выше – голубая фигура все еще не двигалась. Пятьдесят – теперь исчезла за скалой, через минуту снова вынырнула и быстро двигалась наверх.

– Что же это такое? Видимо, она не ранена; во всяком случае, не опасно, иначе спускалась бы вниз. Может, решила, несмотря на легкое ранение, добраться до вершины? Безусловно, эта демоническая женщина ужасно упряма. Это неважно, тем более я могу Ей быть полезен, – теперь, после всего, что случилось, я не буду выглядеть навязчивым, если присоединюсь к Ней.

Она появилась на макушке горы и скрылась из виду, когда он находился на пятьдесят метров ниже. Ему приходилось отдыхать, еще ни разу он не чувствовал себя таким изнуренным. Но зато добился рекорда в подъеме. Стрелки часов показывали ровно полдень. Солнце полностью скрылось в густой и необъятной туче.

Наконец он стоял на вершине. Он не видел чудесной панорамы, только вдали, в четырехстах метрах, на клочке голубого неба, тонкую фигуру, словно прозрачную тень, едва различимую, прозрачную, движущуюся к самому высокому из скалистых конусов, который поднимался над этим плато на сто пятьдесят метров. Видимо, она предполагала взобраться и на него. Под него три дня назад взбирался и Сидэр; подняться еще выше у него не хватило времени, иначе бы он вернулся домой поздно ночью. В тот раз он неохотно отказался от возможности взобраться, хотя в путеводителе по Альпам было сказано, что это очень опасно. Правда, вокруг одной стороны конуса туда вела узенькая тропа, опоясывая его несколько раз, как бич обхватывает ногу, но в некоторых местах она как будто исчезала в почти отвесных скалистых стенах.

– По крайней мере, теперь я доберусь туда, да еще с Нею, – думал он и, шагая как можно быстрее, пустился Ей вдогонку. Однако Она, не оборачиваясь, как ни странно, шла, видимо, еще быстрее, чем он. Он пустился бежать по снегу, ледяным глыбам и топям. Но она исчезла за первым утесом конуса.

Он тоже побежал туда. Однако не успел поставить ногу на круто поднимающуюся тропу, как его охватило совершенно неопишуемое чувство. Какое-то воспоминание – чудовище вынырнуло из глубин, точно страшный Левиафан из жуткой пропасти океана... и сразу погрузилось, но эхо еще долго звучало в его душе. Каким ужасно знакомым кажется мне это место... Когда-то я видел его, когда-то я здесь был – и здесь произошло что-то гигантское... Когда, ах, когда? Ох, это было, безусловно, во сне, в сновиденьях я видел тут же и

Ее, но что такое сон, как не продолжение действительности, или может действительность – продолжение сна? Сон – это глубина яви, для которой наяву мы слепы, а лживость, обманчивость и нелогичность сна – всего лишь сосредоточение всех лучей этого Мира-Миража.

Ужас его был настолько сильным, что почти заглушил желание. Ему захотелось вернуться. С постоянно темневшего неба все сильнее завывал и леденел ветер, как будто духи предостерегали и оплакивали Сидэра. Стал падать снег, превращаясь в метелицу, словно готовя для него здесь могилу. По инерции он все же плелся дальше, и смятение, более телесное, нежели духовное, тянуло его к земле.

Угроза соскользнуть в пропасть становилась все сильнее. Он продвигался вперед очень медленно, но половина пути была уже пройдена.

И вот, когда ему с трудом удалось избежать смертельного падения, им овладело такое уныние, что он остановился и внезапно решил вернуться.

И тут же впереди, приблизительно в шестидесяти шагах, снова увидел Ее. Так внезапно... Она махнула ему рукой, словно подзывая, и исчезла за поворотом скалы.

Сидэр, лишившийся всякой воли, шатаясь, шел за Ней, за Ней. Он не знал, сон это или явь, и не находится ли он где-то в преисподней.

– Пусть это сам дьявол, – шептал он тупо, – а это вполне возможно – я должен, должен.

Добравшись до очередного поворота, он в испуге остановился. Тропа перед ним исчезла; очевидно, небольшая лавина оторвала и унесла кусок почвы. Некое подобие тропы продолжалось примерно через полтора метра. Нужно прыгнуть! Обойти никакой возможности, наверху и внизу –

отвесная скала. Прыжок, может, и удался бы, но, скорее всего, закончился бы падением в пропасть глубиной метров в тридцать. Тропа, на которую должна была ступить нога прыгавшего, была такая узкая, что для второй ступни вообще не было места, а руками схватиться было не за что. Сальто-мортале.

24

К тому же он обессилел, ноги дрожали, так что любой заметный порыв ветра мог, пожалуй, свалить его вниз – разве мог он отважиться?

Он стоял в нерешимости, сердце колотилось в груди. Страх жестоко боролся со стыдом, гордостью. Она перепрыгнуть сумела, так как Ее не было видно, а в пропасть она, безусловно, не упала – иначе он услышал бы крик или хотя бы удар упавшего тела. Женщина сумела это сделать, а он, мужчина, должен... Эта мысль была для него невыносима!

Он разбежался, насколько позволяло место, но над провалом остановился, задрожал и ясно почувствовал, что не отважится именно из-за того, что ему известно, чем должен кончиться прыжок – гибелью. Посмотрев вниз, почувствовал, что его конечности заледенели. Что это опять так трансцендентально устрашающе завопило на него из пропасти?

Битва кончилась. Он возвращался, пристыженный, точно побитый пес. Чтобы хоть немного утешить себя, он твердо решил при первой возможности, когда тело будет лучше слушаться, во что бы то ни стало прыгнуть. Не успел он сделать двадцати шагов, как сверху ужасающе, жутко донеслись слова:

– Трус! Баба!

Сидэр увидел Ее на самой вершине конуса. Ему показалось, что он узнает ее бешенством и ненавистью горящее инфернальное лицо...

– Негодяй, самый уродливый урод, трусость твоя ничуть не меньше твоей подлости, собака, собака! – вновь загудел голос Валькирии, и голубое видение исчезло...

При других обстоятельствах такие оскорбления из уст обожаемой женщины довели бы Сидэра до попытки сделать невозможное, добровольно пойти на смерть. Но теперь абсолютное изнурение, неестественный ужас и погода лишили его всяких сил. Он тупо спустился до ледника и улегся там... Снег все еще густо валил, жуткие тучи спустились ниже и со страшной быстротой летели на Сидэра со всех сторон, подобно драконам. Тут же его окутал густейший туман.

– Что делать? – лениво сказал он. – Может, я обязан ждать Ее здесь, когда Она будет возвращаться? Но могу ли я отважиться предстать пред Нею?.. Может, она пойдет по дороге с другой стороны Оленьей Головы. Но вообще, кто способен здесь сейчас что-либо знать? Это дьявол, умеющий насылать чары, и я, бедняга, Ей не нужен... Ух, как здесь холодно и ни зги не видно на два шага! Сейчас невозможно спускаться вниз, хотя дорога уже не столь опасна. Ничего не поделаешь, все равно придется ждать здесь, пока небо не прояснится. Как все это невыносимо!

Он ждал, часто крича, в надежде обратить на себя внимание странной туристки, когда она будет возвращаться. Безрезультатно. Туман рассеялся через два часа. Появилось солнце, вокруг ни души. Глубочайшая тишина. Медленно, ни о чем не думая, волочился Сидэр вниз. Уже показались звезды, когда он, как лунатик, входил в сад ресторана.

На следующий день рано утром он сходил в гостиницу, чтобы узнать что-нибудь о госпоже Эррате С. И узнал, что позавчера она вернулась в Кортону, а вчера рано утром как обычно пошла с книгой в лес за рестораном и появилась ближе к вечеру в весьма странном состоянии; не мешкая, заплатила по счету и вечером покинула Кортону насовсем.

26

Первую половину дня Сидэр провел на склонах Оленьей Головы, надеясь и одновременно опасаясь увидеть Ее... После обеда он уехал.

Задержки на один день было достаточно, чтобы Сидэр лишился почти всего своего имущества. Он вынужден был отказаться от своей независимости, работать, бороться с нищетой. И это длилось долго, долго...

И все же несколько лет Она владела всей его душой. Он дико любил Ее, отсутствующую, незнакомую, призрачную. Кошмары и припадочки суеверия вскоре покинули его отважное сердце и перешли в простую любовь и мечту о Ней. Мистическая таинственность этой истории только разжигала огонь его любви. В нем окрепла уверенность, что его возлюбленная исключительна, гениальна, эксцентрична до полубезумия, а все поступки Ее были вызваны загадочно возникшей любовью к нему; что мотивы всех Ее действий пока окутаны непроницаемой тайной, но глядеть на них следует так же, как детектив смотрит на необъяснимое с виду уголовное дело.

Сперва ему часто хотелось вернуться в Кортону, однако различные обстоятельства каждый раз препятствовали, а с годами это становилось все сложнее и сложнее...

Но с течением времени любовь его, как и все, угасала, воспоминания бледнели, жестокая дей-

ствительность поглотила их. Позднее он почти забыл об этой истории... Хотя во сне, как ни странно, видел Таинственную чаще и чаще. Но лет через десять прекратились и сны...

28

В это время его материальное положение изменилось. Он получил небольшое наследство и решил поступить так: «Испытаю-ка я счастье в игре; половину наследства отдам на это дело, но ни копейки больше!» И через три дня он заработал в игорных домах сумму, которая превосходила все его прежнее состояние – больше, чем обычный человек способен заработать трудом за всю свою жизнь.

Теперь он мог когда угодно поехать в Альпы, но вся эта история была уже давно позади, так что он так и не собрался. Он твердо решил всю свою жизнь посвятить мышлению и творчеству и при этом в меру наслаждаться ею. Однако эти желания никогда не могут столкнуться, ибо наши высшие стремления аскетичны. Но Сидэру была предназначена другая судьба, нежели стать, бедному, покорителем Духовного мира. Вскоре любовь к наслаждениям одолела возвышенные старания, постепенно пригибая его все больше и больше к земле. Однако сластолюбие никогда не может удовлетворить даже человека низменного, тем более душу, стремящуюся ввысь. Пресыщение и одновременно раздражение овладевали Сидэром, он чувствовал, как душа его пустеет, призывая что-либо, что могло бы заполнить ее пустоту.

* * *

Так прошло два года с тех пор, как он приобрел новое имущество. Ему было сорок лет.

Он шел по самой оживленной улице большого города, далеко на север от Альп. Был поздний, все

еще теплый августовский вечер. Вечернюю зарю почти невозможно было разглядеть из-за света электрических фонарей. Его душа была погружена в глубокие раздумья, снова пребывая там – в Альпах.

– Что с Ней сейчас происходит? Что с Ней тогда творилось? Увижу ли я ее еще?.. Это было так замечательно и великолепно... Возвышенные слезы появились на его глазах... – Неужели возможно, что я никогда Ее не увижу?

29

И в ту же секунду из его души подобно молнии вырвался Ее образ настолько живо, что он не знал, фантазмагория это или действительность... Он вдруг весь задрожал, остановился и...

...внезапно увидел Ее настоящую! Точно так же, как тогда в первый раз в ущелье, но еще ближе двигалось мимо него, почти касаясь его лица, Ее магическое лицо. Но на него она не глядела.

Позднее его удивляло, что он не упал, что руки, схватившиеся за фонарный столб, удержали его. Сколько времени он стоял там? Три секунды или три минуты?.. Вскоре он уже спешил, подгоняемый слепым инстинктом, за ней. Но так и не отыскал Ее в толпе.

– Что это было? – бормотал он про себя, шагая неизвестно куда. – Галлюцинация или действительность? Именно в тот момент, когда всю Ее захватила полностью моя душа, увидели Ее и мои глаза. Или, может, чрезмерная сила моего воображения материализовала Ее? Или наоборот: может, раньше у меня не было необходимости так интенсивно о Ней думать, потому что она была близко, двигалась все ближе и ближе ко мне снова после столь долгих лет?.. Ах, к черту все эти теории! Если она не была галлюцинацией, то была ли это действительно Она? Ведь встречаются же

лица удивительно похожие... Ах нет, на Нее ни одна другая не похожа, уж это я знаю точно. Но – ведь она выглядела ничуть не старше чем тогда, двенадцать лет назад... Однако разве нет случаев кажущегося нестарения? Эх, все это ни к чему. Действовать надо!

30

Теперь он ежедневно в тот же час, а иногда и в другое время ходил по улице, которая стала для него святыней, бегал по всему городу, разыскивал и другими способами. Ни малейшего результата. Но угасшая любовь разгорелась в нем сильнее прежнего. Загорелась и его душа, нетерпеливо заполнилась ее пустота мистическим светом, восстало из мертвых прошлое. Он влюбился во второй раз. В кого собственно?

...Время, иными словами развитие мысли, течет медленно, потихоньку; у вечности времени достаточно. И к каждому человеку, каждому животному подкрадывается Возвышенное, оборачиваясь иногда приятной щекоткой, в другой раз вершиной наслаждения, обыкновенно максимальным ужасом, тихим тигриным шагом подкрадывается все ближе и ближе... чтобы современный человек, всецело являющийся животным, однажды преобразился – в Бога.

Он не отыскал Ее. В конце октября уехал в Кортону. Пробыл там всего лишь неделю. Не нашел Ее, хотя поднялся до того самого места, где тропа была прервана. У него не было желания перепрыгнуть, даже если бы Она стояла там с распростертыми объятиями. Душа его была мертва, как и вся природа в осенний день поминовения усопших; ни малейшая светлая рябь не прошла по ней ни разу за это время... Розыски Незнакомки и Ее подруги не приносили результатов. «Домой, домой! Там я Ее видел, там, может быть, все-таки найду Ее!»

Не нашел. Зимой не произошло ничего. Он работал и пьянствовал, пьянствовал и работал, и, в конце концов, только пьянствовал. Прошла зима, несмело приближалась весна, и Сидэр вторично стал забывать свою странную любовь.

Однажды в апреле, в предвечернее время, он стоял перед витриной. Задней ее стороной было зеркало, перед ним стояли картины с изображением горных пейзажей; среди них была и Кортонна. Всей душой он погрузился в созерцание Оленьей Головы. Он чувствовал себя так же, как тогда, в тот прекрасный, страшный день, когда поднимался по ней, увидел голубое и красное пятна, – а потом Ее на страшной прервавшейся тропе... – и вдруг сзади в зеркале заметил совершенно ясно Ее лицо! Ее! Призрачно Ее глаза глядели в его глаза.

Он молниеносно обернулся. За ним стояли двое мужчин и две девушки; их круглые, румяные веселые лица были разительно не похожи на Ее лицо. Вблизи не было ни души.

– Галлюцинация? В первый раз в моей жизни. Ах нет: ведь тогда в августе она тоже явилась ко мне в виде галлюцинации, а также в Кор... как бессмысленно наша лишенная логики душа сразу все преувеличивает! В августе это было совсем не то; тут могли быть, конечно, как действительность, так и призрак, а в Кортоне – во всяком случае, в саду – Ее видели сотни людей. Однако из того, что я видел Ее настоящую, не следует еще, что я никогда не мог Ее видеть как галлюцинацию; например, если бы именно этот бюст Данте из витрины я в горячке увидел на своей подушке, это еще не значит, что вот здесь он не существует в действительности.

...Следовательно, меня посещает Ее фантом. Может, потому что Она умерла? А не умерла ли Она именно в тот августовский вечер? Может, я внезапно вынужден был так интенсивно думать о Ней и даже увидел Ее потому, что, как это случается, именно в эту минуту Ее душа покидала тело? Однако это одни только догадки, все это ненаучно! Но неуверенность – это хуже всего! Я чувствую, что она могла бы перейти даже в безумие... Ух, как ужасно уставились на меня опять эти бездонные глаза в зеркале! Как будто я снова по-настоящему их увидел...

Его предчувствия были верны; все это становилось крайне опасным. В третий раз воспламенились его чувства без надежды достичь цели – он был Танталом, осужденным терять возлюбленную, как только она появится... Но галлюцинация усложнила все и придала этой истории оттенок чего-то нового, жуткого. Где бы он ни был, он видел только Ее, Ее, Ее и зеркальный страшный взгляд, пронизывающий могильным холодом его глаза и душу. Постоянное повторение этого было ужасно. Человек способен потерять рассудок из-за одного незначительного слова, навязчиво вертящегося в голове. Однако это отнюдь не было незначительным. Это было не сладостным обликом возлюбленной, а трансцендентально жуткой пастью дракона, почти каждую ночь посещавшего его сны – отвратительные, удушливые, хаотически безумные; пришелец из ада спал вместе с ним в постели. Сидэр почти поддался кошмару всего происходящего, становился «суеверным», но его светлый логический дух стойко защищался от искушения видеть во всем нечто «сверхъестественное». Почти все теперешние интеллигенты разумом своим «не суеверны», но сердцем суевер-

ны как старые бабы; у Сидэра все было наоборот; скептическим разумом он допускал что угодно, однако его нутро интеллектуала изо всех сил противилось возможности существования привидений. Он верил, что его Таинственная была существом таким же, как он сам. Оставался только вопрос: жива она или уже мертва? И эта неуверенность доводила его рассудок до безумия не менее чем кошмарный хоровод, который водили у него внутри темные чувства.

33

* * *

И тут произошло событие, изменившее это ужасное состояние. 22-го мая Сидэр шагал по оживленному проспекту в ином районе города, чем тогда, в августе. Опять приближался вечер, но солнце все еще пылало с полной силой. У Сидэра было необычное настроение – почти веселое. И тут внезапно он увидел Ее. В нескольких шагах от него Она переходила улицу и на него не глядела. Это была Она! Свежая вечерняя заря Ее хорошо освещала. Сидэр увидел даже две маленькие родинки на Ее левой щеке. На этот раз он почти не испугался и сразу пошел за Ней. Но на перекрестке Она остановилась перед жандармом и вступила с ним в разговор.

Сидэр слегка отступил и остановился в ожидании. Прошло немало времени; наконец, жандарм отдал Ей честь. Она быстро пошла дальше, и Сидэр поспешил за ней. В это время Она исчезла за трамваем. Он принялся бежать и чуть было не угодил под колеса автомобиля, которого не заметил за трамваем. Когда Сидэр очнулся от испуга, Ее не было видно. Он влетел в самую гущу автомобилей и пешеходов, туда, где Она исчезла. Вся его душа

превратилась в глаза. Напрасно. Он чуть не заплакал от злости и отчаяния. И вдруг вспомнил про жандарма.

Он примчался к нему как дикий зверь.

– Только что с вами разговаривала дама в голубом, очень бледная, с родинками вот здесь, не так ли?

– Ну и что?

34

– Так это правда! – радостно вскричал он. – Значит, она была настоящая?

– Ммм-ммм, – жандарм строго и глупо выпучил глаза.

– А что она от вас хотела?

– А вам какое дело?

– О, большое, дорогой мой! – И он сунул жандарму три дуката. Они, конечно, стали сильным доказательством того, что ему действительно до этого есть дело. Сидэр узнал, что дама спрашивала, как попасть на Скалистую улицу, сообщив откровенно, что в городе она чужая, вот уже несколько дней живет на этой улице, но сейчас никак не может ее найти. На вопрос Сидэра, не почувствовал ли жандарм при виде Нее сердечную слабость, тот, открыв рот, отрицательно мотнул головой и с серьезным сочувствием качал ею, когда щедрый господин уходил...

Но Сидэр знал совершенно точно: в тот момент, когда на него мчался автомобиль, Ее сверхзвездные глаза взглянули на него уже не страшно, а дружелюбно, улыбаясь, маня, целуя, звонко призывая. Он весь просветлел от уверенности, что их Сияние до сих пор пребывает на земле. Весь мир представлялся ему в самом прекрасном свете.

– Жива моя девочка! Она в высшей степени удивительна, владеет, объединившись с моей любовью к Ней, мистическими способностями. И любит меня, любит!..

В этой троице теперь была его вера.

– Наконец Она вернет мне потерянную цель, заполнит мою пустоту. Она даст мне жизнь!

Ни разу в жизни он не был так счастлив, не был так жизнерадостен, так легок, так божествен.

Следующие дни он посвятил поискам Ее на Скалистой улице и отдал им больше энергии, чем отдавал раньше чему-либо в своей жизни. Во время поисков он забыл про стыд и гордость. От подвалов до чердаков, да, от подвалов до голубятен он систематически обыскал каждый дом, входил даже во многие квартиры, каждого на улице расспрашивал про бледную даму с родинками. В конце концов, мальчишки стали кричать ему вдогонку: «Дурень, дурак!» Скалистая улица была длинная; между прочим, она была названа так потому, что вдоль нее возвышались известняковые скалы. Три дня Сидэр потратил на то, чтобы всю ее обследовать. И ничего, ничего не найти...

35

Вечером на третий день он закончил поиски. Осталась еще только одна низкая хижина, стоявшая особняком в двухстах шагах далее. Он видел, что она очень убогая, черная, трухлявая.

– Там Она никак не может жить; но на всякий случай, раз уж я все обыскал, посмотрю и там.

Домик задней своей стороной упирался в высокую скалу, треснутый, как будто его части раньше были оторваны друг от друга. Дом был двухэтажный, абсолютно запущенный. Остановившись перед ним в вечерних сумерках, Сидэр остолбенел. Дом был невероятно похож; вернее, был совершенно такой же, как таинственный домик в Кортоне в начале ложбины под скалой, висящей над ним как Дамоклов меч; как будто это был его двойник...

Полчаса сидел он на меже против домика...

– Здесь, только здесь она может жить... Фу! Это только случайное совпадение! Так постепенно во всем можно видеть только призраков! Пора уже раз и навсегда выбраться из всего этого! Потому что призраки и вера в них противоречат Воле! Не «внешний мир» – этот-то всегда приручен и служит воле; призраки убивают Волю! А ну пойдём туда и посмотрим!..

36

Была уже ночь. Сидэр подошел к дому, снова поглядел на него – задрожал всем телом...

– Нет, не сегодня! Я не выдержал бы этого. Ноги дрожат, еле стою. Проклятые физиологические штучки! Завтра, когда будет доброе утро!..

Вернувшись домой, он лег в кровать... Он даже не знал, каким образом очутился вдруг перед таинственным домиком. Автоматически вошел в него. Быстро, уверенным шагом пошел по совершенно темному коридору, даже не чиркая спичкой, будто шагал по собственному дому. Поднялся на второй этаж, тоже совершенно темный. Протянул руку и схватился за ручку двери. Очутился в комнате – видимо, в спальне – в противоположность обшарпанному фасаду дома чрезвычайно элегантно обставленной. Полная луна глядела на него в окно, почти ослепляя. Но это был не ее свет, лившийся в его душу, а слова:

– Знаешь меня? Ведь ты знаешь меня очень хорошо. Только вспомни!

Он стал осматривать помещение. Глядь – по коврам разбросаны камни, кирпичи, куски дерева, двуспальная постель в углу расколочена вдребезги; огромный камень торчал из ее обломков, воткнувшись в пол. Сидэр подошел ближе, с любопытством и совершенно спокойно разглядел среди обломков молодую женщину в рубашке. Лицо – сплошная кровь, нос раздавлен, кровью залиты и ее ноги....

– Что здесь стряслось? – подумал он. – Кажется, мне бы следовало это знать... какой я сегодня глупый! – Он разгадывал эту загадку холодно, точно это был обычный ребус. А между тем девушка слегка двигалась, стонала, но не открывала глаз. И вдруг Сидэр почувствовал, как сверху на его голову повеяло холодом. Он поднял взгляд. Потолок был пробит; несколько звезд и силуэт скалы глядели в отверстие.

– Ну и ну, смотрите-ка... но я все еще ничего не понимаю; однако, прежде всего, нужно отнести раненую к врачу. – Он схватил ее и тут же почувствовал, что его пальцы как-то отвратительно погружаются в ее мясо. Он посмотрел на свои руки – их обволакивала бурая, зловонная пыль. – Ну и ну! – сказал он про себя совершенно спокойно и изо всех сил стиснул ее бедро. Оно рассыпалось в комки отвратительной массы. Лишь теперь темный ужас внезапно охватил его – лунный свет сразу перешел в мчавшийся на него светлый вихрь, который затем превратился в какой-то черный, страшнейший ураган – тихий неподвижный ураган Вечности, и в ту же секунду женщина открыла глаза. – Она!.. – И мысль прогремела в нем, столь чудовищная и страшная, мысль из самого сердца безумной Всесильной Тайны, мысль, лишь слабое веяние которой способно разорвать мерзкую душонку человека лучше, чем пушечное ядро паутину...

Но Сидэру еще не суждено было покинуть секунду вечной Своей Жизни, которую микроб, считающий себя «человеком», называет жизнью. Чужая, роковая сила в последний момент выбросила его душу из досягаемости Страшнейшего в сферу поверхности и ослепленности, называемую бдением. Он увидел свет лампочки рядом со

своим ложем, в висящем на стене зеркале увидел себя, поднявшегося с подушек, с всклокоченными волосами, белого, как эти подушки.

* * *

38

На следующий день, утром он зашел туда. Захлопнув за собой входную дверь, очутился в полной темноте. Зажег спичку; неподалеку находилась еще одна дверь, он остановился перед ней, прислушиваясь.

Глубокая тишина. И внезапно он почувствовал, как в нем что-то перевернулось... Он все стоял, погруженный в летаргию: долго ли, коротко ли, он не знал. Внезапно изнутри послышался слабый, слабенкий шорох как будто очень отдаленного шарканья ног. Шорох усиливался, шаги приближались долго. Как будто за дверью таился целый ряд комнат. Он страшно испугался, хотел убежать, но тут изнутри раздался страшный какой-то шуршащий смех, пригвоздивший его к полу. Поменьше, как часовая стрелка, стала открываться дверь и также медленно высывалась из-за нее женщина с горящей свечой в руке. Он был потрясен, увидев ее лицо. Оно казалось двухсотлетним, словно принадлежало трупу, однако не только это его так ошеломило...

Женщина посветила на него, и снова зашуршал нечеловеческий смех.

– Гой ты, молодец прекрасный, не бойся, не бойся! Я тебя знаю, и зачем пришел тоже знаю, я ждала тебя. Ты пришел за голубой дамой, правда, правда?

– Да, с двумя родинками вот здесь – она тут?

– Была здесь, всю неделю здесь жила, как мило, что такая дама вспомнила-таки старую Варвару.

Вчера уехала, но, ха-ха, оставила для тебя здесь фотографию и несколько слов на ней; сама их написала, красавчик мой, сама, ха-ха!

– Для меня? Откуда вы знаете, что это я...

– Ха-ха, она описала тебя, но это было лишнее, лишнее! Даже если бы она этого не сделала, я бы все равно знала. Старая Варвара знает все!

– Так, значит, она – жива?..

– Ха-ха, все живое, дурачок! Вот, получай!

Она вынула из огромного кармана конверт, подала ему. Он прочитал на нем свое имя, открыл его. Фотопортрет был удивительно, невероятно похож на оригинал; на обороте его он прочитал: «Встретимся в июне на Оленьей Голове! Орэа».

Орэа! Где ему довелось слышать это сладкое имя?.. И внезапно ему показалось, что когда-то он сам шептал его именно здесь – в этом страшном доме...

– Она тебя любит, голубчик, – хрюкала старуха и хохотала, – но будь осторожен, чтобы тигрица эта от любви не разорвала тебя в клочья. Ты стеганул Ее ужасно железным бичом, и Она не забыла, не забыла.

– Что ты болтаешь? Когда это я?.. Я – Ее?.. Во сне, может быть?..

– Конечно, во сне. Все это сон, ха-ха.

– И Она хочет отомстить мне?

– Любить тебя хочет, но знает, что только тогда сможет, когда ты будешь наказан, когда она сведет с тобой счеты. Ступай, голубчик, теперь ты знаешь сколько положено, иди со своей судьбою, судьбою, ха-ха.

– Подожди! Можешь еще показать мне второй этаж?

– А чего тебе там видеть? Эти громадные камни давно уже убраны, давным-давно.

– Камни? Откуда ты это знаешь? Я сплю или схожу с ума?

– Ты и спишь, и с ума сходишь, голубчик, но и бодрствуешь, и в здравом уме пребываешь. В каждом человеке все это имеется. И ступай уже! – Она помаленьку стала поворачиваться, чтобы уйти.

– Прошу тебя, скажи еще, кто она собственно, эта Орэа? – воскликнул он, схватив ее одной рукой за плечо, а другой суя ей горсть дукатов.

40

– Слишком много, голубчик, спрашиваешь. Три года подожди, узнаешь! А бляшки золотые спрячь! К чему они мне, ха-ха, ха-ха!..

С жуткой медлительностью она поплелась обратно в свою горницу. А Сидэр, с душой, превращенной в полный хаос и в то же время такой счастливой, оставив за собою черную ночь, выбежал, ослепленный сиянием дневного солнца.

Перед домиком он остановился, не видя, не слыша, не думая. Сколько времени он так стоял?.. В конце концов, его привел в себя удар в лицо.

– Дурень! Болван! Балбес! – только сейчас услышал он крики обступавших его мальчишек. Один из них как раз попал в него катышем конского помета.

– А не было ли все это только таким же сном, как ночью? – размышлял он, сидя в уезжающих дрожках, спасаясь таким образом от преследующей его толпы орущих недомерков. Ах, узнаю ли я когда-нибудь хоть что-нибудь? Но ведь... Боже мой!..

Еще ни разу в жизни он не волновался так, как сейчас, когда засунул руку в нагрудный карман. – Конечно, там ничего не будет, не будет! – шептал он про себя, стуча зубами... Никогда он ничего не делал так медленно, как теперь, когда открывал бумажник...

Он завопил так, что кучер, сидевший на козлах, обернулся... Поразительная красота идеального портрета прогремела ему навстречу. У него было потрясающее и неоспоримое чувство, что Орэа действительно сидит против него. И он целовал, целовал буквы, написанные Ее острым и таким странным почерком.

– Живет! Это было наяву! – ликовал он, проезжая по все более оживленным улицам. – Наконец у меня есть доказательство! Хоть какая-то реальность от Нее!.. Но может мне и теперь это снится? Нет, ерунда, разве возможно не отличить мое теперешнее состояние от сна? Легче было бы не отличить вот ту кошку от цитры. – Он снова вынул фотографию. – Она все время у меня! А с ней я богаче всех королей мира! Ох, с этим портретом и с этой надписью я буду счастлив навсегда!.. Она живет и любит меня... А все эти ужасающие странности моего романа делают его еще более прекрасным и соблазнительным. Кто, кроме меня, может похвастаться подобной фантастической, поэтической любовной историей? Все неясное выяснится в июне... Сегодня только 23-е мая – я не дождусь... не вынесу такого счастья... Всюду так хорошо и прекрасно. В Кортону, Орэа моя, Орэа!..

Уже первого июня, в два пополудни он сошел с поезда на Кортонском вокзале. Это был один из тех редких кошмарных дней постаревшей весны, когда все небо заволакивает одно облако, не настолько плотное, чтобы совершенно закрыть солнце и не столь прозрачное, чтобы его сияние не было завуалировано. Небо – пустыня, земля, неопишимо жутко окрашенная, – пустыня, все торжественно, душно, удушливо, чудовищно мертво. Жуткий день на равнине, еще ужаснее такой день в горах.

– Ух, мило приветствует меня Оленья Голова, – он задрожал. – Как взгляд трупа, убитого ужасом. Что она вещает мне сегодня?.. Что за чудовище холодом влетело из нее в мою душу? – У него было таинственное предчувствие, что потеряна радость последних дней, что на ее место вторглись постоянный ужас и несчастье, а он стоит на пороге нового этапа.

Он поселился в гостинице. Утомленный путешествием, лег и уснул. Проснулся только под вечер с чувством оцепенения и хаотичности.

– Сегодня схожу только в тот сад ресторана, – решил он. – Завтра посмотрю черный дом в ущелье. А послезавтра – на Оленью Голову. Да, именно так.

В саду он увидал кортонского врача, с которым в прошлый свой приезд несколько раз беседовал, – человека интеллигентного, с той типичной интеллигентностью врачей, которая, по большому счету, скорее приближается к идиотизму, чем ограниченность, и несколько оскотинившегося. Он подсел к нему, много и прилежно пьющему и наслаждающемуся своей тучностью. И сразу завел разговор на тему, единственно интересующую его.

– Сегодня я способен кое о чем вам доложить, – отозвался доктор. – Госпожа Эррата С. уже более года сидит в сумасшедшем доме. – И назвал место.

В Сидэре что-то задрожало. Предчувствие, что подобное ожидает и его? Или сочувствие и любовь? Он никогда не был равнодушен к Эррате, хотя чувство к ней невозможно было сравнить с любовью к Орэе; но раньше бывали моменты, когда ему казалось, что он любит ее больше, чем ту, портрет которой носил теперь в нагрудном кармане.

– В самом деле?.. Известны ли вам подробности? Прошу вас!

– Несколько месяцев назад я получил сообщение от тамошнего психиатра, – доктор сплюнул, – который ее лечит. Он просил меня прислать медицинский отзыв о ее душевном состоянии; он слышал из уст безумной, что она двенадцать лет назад несколько раз посещала меня, чтобы посоветоваться о своем «нервном расстройстве» и что именно тогда мол ее болезнь началась. Я написал ему, что госпожа С. страдает болезнью *dementia praecox**; однако этот человек со мной не был согласен и между строк дал мне, идиот, понять, что болезнью

* Раннее слабоумие (лат.)

dementia praesox вернее всего страдаю я. Вот такие субъекты находятся в рядах нашей науки, фу! – И доктор залпом осушил большой стакан.

– Когда началась ее болезнь? Вы могли бы рассказать мне об этом подробнее?

– Согласно мнению моего коллеги, кретина, причиной является то, что эта женщина прямо влюбилась в какой-то другой индивид женского пола, но любовь была, хе-хе, очень несчастная, так как госпожа Эррата, глядя на свой идеал, испытывала скорее чувство ужаса, чем эротическое наслаждение. Но что все это лишь симптомы dementia praesox, увидит и этот кретин.

– Видала Эррата свою любимую с того времени, как ее видели с ней здесь?

– Разве я знаю? Собственно говоря... этот идиот... ммм, что она часто видела ее в виде га... галлюцинации. А это и есть лишь та самая dementia praesox... ну, а потом... да, потом и о вас часто говорила. Кажется, она и в вас влюбилась, хе-хе, можете на ней там жениться.

– А знаете какие-нибудь подробности о той, другой?

– Что я могу знать, дорогой мой? Но я знаю все. Мммм, что я собственно хотел... о ней здесь много говорят, однако это только бабьи сплетни. Говорят, что она...

– Доктор, доктор! – завопила вдруг женщина, прибежавшая сюда. – Прошу вас, идите к нам. Скорее, мой муж умирает, он упал со скалы, вся голова разбита!

– Черт бы все это... – пробормотал доктор, медленно поднимая стакан. – Ни секунды не дадут человеку отдохнуть. Вдруг возьмет да и упадет. Так поздно вечером, откалывал бы эти номера хотя бы утром! – Он помаленьку опорожнил свой стакан. – Надрался, наверное, а?

– Нет, нет, только ради Бога, доктор, может все-таки он не умрет!

– Же-женщина... не тащите меня за рукав... я... чего это я хотел?.. Эй, официант, я заплачу – давайте счет за всю неделю! – Вставая, он сильно зашатался. – Я уже... черт подери!..

Сидэр бросил на стол несколько золотых.

– Уплачено... достаточно?.. – Он схватил доктора под руку. – Пойдемте скорее, я пойду с вами. Может смогу хоть немного помочь вам, я некоторое время изучал медицину.

– Вы – медицину, кретин? Хе-хе!

Он зашатался, и Сидэр с трудом удерживая такое тяжелое тело, потащил его к выходу.

– Можете мне, – еще раз он воспользовался случаем, – одним словом сказать, кем, по словам здешних жителей, является эта таинственная дама?

– Шлюха она! И кроме того это галлюцинация, то есть pexus, то есть pexus polaris, собственно solaris – я все забыл к чертовой матери, dementia graecox. Gaudeamus igitur... – принялся он орать, освободился от держащего его под руку Сидэра, закачался, рухнул на землю и растянулся во весь рост.

Сидэр сам побежал за плачущей женщиной к раненому. Тот был уже мертв.

* * *

Ночь была полна страшных, адских сновидений. Утром небо потемнело, пошел дождь. В десять часов Сидэр отправился в ущелье. Настроение у него было болезненно мрачное, он был взволнован до пугливости. После вчерашнего разговора остался какой-то невнятный страх, причину которого он не мог объяснить.

– Ведь этот пьяница ничего определенного не сказал мне, кроме ценного сообщения, где я могу найти Эррату. Об Орэе знаю также мало, как и прежде. Но остальное он расскажет мне вечером, ведь не может же врач каждый день так напиваться.

46 Взглянув на черный домик, Сидэр снова содрогнулся: это был даже не близнец, а двойник домика на Скалистой улице. Но здесь скала висела прямо над крышей. Многотонная глыба угрожала каждую секунду упасть.

– Не хотел бы я здесь жить, – он опять содрогнулся. Чтобы войти, понадобилось изрядное напряжение воли.

На этот раз оставил за собой открытую дверь. И увидел тот же самый коридор, что и при свете Варвариной свечи. И дверь направо на том же месте.

Остановился. Не отважился постучать. Тишина; только тихий шум дождя и сердце, бьющееся все сильнее...

– Услышу ли я опять шаги из бесконечно далеких комнат, приближающиеся все ближе, и ближе, и ближе, и жутко шаркающие?..

Нет. Вдруг дверь открылась – старуха. Она чем-то напоминала Варвару, но это не была она. Черты лица, да и возраст были другие. Хотя она была очень старая, с виду девяностолетняя, но в ней не было никакого парадоксально-трансцендентального подобия живого трупа старухи со Скалистой улицы.

– Что вам угодно? – спросила она еще достаточно звучным голосом.

– Что, что?.. Ах, да... вы не сдаете комнату?

– Сдаем, сдаем, и не одну, а две. Но никому сюда не хочется, а у вас найдется смелость?

– Почему смелость?

– Потому что говорят, будто здесь водятся привидения. И еще потому, что над домом скала висит. Но мы не боимся, чего еще старым людям бояться?

– А кто живет здесь еще, кроме вас?

– Моя мать.

– У вас есть еще – мать?

– Есть! Это чудо божье. Не знаю, в чем она виновата, что Бог так долго не зовет ее к себе. Ей сто тридцать семь лет, а мне...

47

– Могу я видеть ее?

– Да, можете. Но я вам не советую, целыми годами будете видеть ее потом в своих сновиденьях. Уже двадцать лет лежит недвижно, слепая, глухая, не говорит, только хрипит все время. И никак умереть не может.

– Ведите меня к ней.

Она отвела его через кухню в соседнюю комнату, темную как в сумерки. И Сидэр увидел – знакомую со Скалистой улицы. Но теперь она показалась ему еще страшнее, чем тогда; он чуть не упал в обморок.

Ее слепые, будто стеклянные глаза упирались в потолок, широко раскрытый рот постоянно издавал тихий и кошмарный хрип... он медленно усиливался и усиливался, пока не стал походить на слова, – и внезапно они отчетливо прозвучали:

– Наконец-то ты здесь, сын дьявола? Все-таки я дождалась тебя ха-ха, ха-ха! Будь проклят, проклят, кровавая собака!..

– Господи Иисусе, она снова заговорила спустя двадцать лет!

– Почему ты проклинаешь меня? – спросил он с надрывом.

– Она не слышит.

– Потому что ты убил мою доченьку, негодяй распоследний, убил мое сладкое дитя, которое я вскормила. Я ждала тебя, ждала долго и вот наконец тебя снова вижу. Будь проклят во веки веков, ублюдок сатанинский! А, смерть уже приближается к тебе, черен суд Божий! Раздавлен будешь, раздавлен как она, моя доченька!..

48

При этих словах, прозвучавших неестественно громко, она резко дернулась, ее не тело, а скорее, скелет приподнялся и со страшным хрипом упал навзничь...

– Чудо! – дочь пала на колени. – Двадцать лет рукой не двинула, слова не сказала, слепая была, а теперь перед вами... да ты, убийца, уходи!..

– О какой это доченьке она говорила? Я ничего не знаю! Расскажи! – вскричал он повелительно, но в глазах у него темнело.

Тишина.

– Это ты дала мне на Скалистой улице портрет Орэи?

Тишина.

– Господи Боже, она уже не хрипит – да она умерла! – воскликнула дочь, склонившись над ложем. – Не дышит! – заорала она диким голосом. – Это ты ее убил, как и ту, убийца!! О, моя дорогая мама! – завывла она неестественно через секунду.

– Какую «ту»? Я ничего не знаю...

– Я тоже не знаю, но мама это знала! Бог проговорил ее устами! Вон отсюда, Белиал! На помощь – убийца!

Шатаясь, выбежал Сидэр на улицу.

– Убийца, убийца, – неся за ним вопль. – Он убил мою мать! Хватайте убийцу!

Но черный домик стоял особняком, на близкой улочке ни души... Наконец крики старухи перестали преследовать Сидэра...

Некоторое время он бегал туда и сюда по Кортоне, пока не собрался с мыслями.

– Кошмар, невероятно! Я чувствую, что все больше и больше верю бабьим толкам, что попался в сети какой-то адской силы. Я начинаю испытывать настоящий страх, и действительно теперь мне хочется плюнуть на все это и тут же покинуть проклятое гнездо. Но нет! Это была бы трусливая опрометчивость!

И все-таки он сильно колебался. Решение пришлось принимать не по своей воле.

Вскоре он обратил внимание на собирающийся народ. Группы людей о чем-то взволнованно толковали между собой. До него доносились слова: «Убийство – старая Варвара – задушена – убийца – незнакомый иностранец – полиция и жандармерия уже начали розыск...»

Сначала это показалось Сидэру смешным. Но смех быстро прошел.

– Черт побери, если меня сейчас поймают, я буду арестован. Правда, вскоре выпустят... а есть в этом уверенность? Знаем, как у них там эти дела делаются. Бог весть, сколько еще просижу в камере предварительного заключения. И вообще мало ли было невинно казненных по приговору суда? Самым разумным будет скрыться. А как же Орэа?.. Но ведь я могу опять вернуться сюда – еще только начало июня. А если я буду заключен на долгое время, разве я смогу встретиться с Ней? Да! Уеду за границу, подожду, пока не прочитаю в газетах, что старуха умерла естественной смертью, и потом сюда вернусь. Я был бы совершенным безумцем, если бы подозревал себя в трусости.

Он посмотрел на часы.

– Через 10 минут уходит поезд, отлично! Быстрее!

Он поспешил в гостиницу. Его чемоданы, к счастью, еще не были распакованы, так что он сразу смог уехать. Он все чаще встречал группы все более взволнованных людей, и сам тоже все больше волновался, на этот раз совсем не метафизически; теперь это действовало на него благотворно. Он вовремя поспел на поезд, счастливо выехал, счастливо пересек границу, которая была неподалеку. Пока что он был в безопасности.

* * *

Сумасшедший дом, в котором пребывала Эррата, находился не очень далеко от того места, где он пересек границу.

– Сначала поеду туда, – решил он. – Посещу ее и одновременно подожду известий из Кортонь; две мухи одним махом.

Четвертого июня он узнал от управления сумасшедшего дома, что Эррата неизлечимо больна, но ее безумие иногда дает ей передышку, так называемую *Lucida intervala*, но часто, наоборот, переходит в припадки бешенства. Причиной этого в первую очередь является «неправильное воспитание» эксцентричными родителями и раннее внушение суеверия. Вступать с ней в разговор абсолютно невозможно.

На ладони надзирателя очутилось несколько золотых, так что абсолютно невозможное превратилось в возможное. В тот же день Сидэр вошел в камеру Эрраты.

Она сидела в прибитом к полу кресле, привязанная к нему, руки связаны. В оцепенении глядела в потолок, на Сидэра не посмотрела. Первой его мыслью было, что его привели к другой больной. Некогда прекрасная девушка на первый взгляд

казалась старухой. Лицо ужасно худое, изборожденное не столько морщинами, сколько страданием; желтоватая бледность кожи, как поздний весенний снег; потухший, но одновременно до жути непрерывно мерцающий, бегающий взгляд; почти все волосы седые. Но, посмотрев внимательней, он узнал ее, и чувство теплой нежности заполнило его душу; несмотря ни на что, она все еще была дразняще привлекательна; может быть, даже больше прежнего, идеализированная большим страданием.

51

– Госпожа, – начал он. Надзиратель все еще стоял за ним.

Как только она посмотрела на него, лицо ее стало кривиться, веревки в запястьях напряглись. Ему показалось, что она захохотала, но он понял, что это вопль ужаса.

– Господин – ничего не выйдет, – надзиратель схватил его за рукав. – У меня... того... ответственность...

– Ты кто такой? – воскликнула связанная, – ты мой любимый или привидение? Нет, ты мой любимый, ты освободишь меня из лап этих вахлаков, – зарыдала она, прикрывая глаза локтем. Да нет, ты привидение, господи! Ты, вахлак, уведи этого господина, потому что он только призрак!..

– Оставьте нас, – сказал Сидэр повелительно, и на ладони надзирателя заблестело золото. Тот удалился.

Сидэр перерезал веревки, которыми была связана Эррата. Несмотря на это, она долго сидела, не двигаясь, потом, восторженно крича, бросилась Сидэру на шею:

– Ты мой спаситель, ты меня спасешь от них, от... Нее!.. Ты не знаешь, сколько я выстрадала! Я не боюсь ада, я в нем была и в нем нахожусь! Лю-

бимый, я не сумасшедшая, я только слегка помешалась. Это вахлаки здесь лишили меня разума. Прежде чем прийти сюда я, правда, уже немного была безумна, но от чувств, а не от разума. Я была в отчаянии до умопомрачения, вся моя душа извивалась, как пламень на ветру, но клянусь, что мысли мои никогда не дошли до безумия. Я никогда не считала себя и теперь не считаю пшеничным зерном, как один ученый, который никогда не выходил на улицу от страха, что его склюют голуби; а только это и является настоящим безумием. Правда, иногда у меня начинается путаница в понятиях, но обычно я пребываю в здравом рассудке, и это меня даже удивляет, особенно после того, что они здесь со мной проделывали. Они держали меня в заточении, связывали меня, бичевали до крови, ледяной душ, голод, бездействие, и, что самое ужасное, – их дурацкая болтовня, теория, эксперименты. Но теперь, я чувствую, пришло время спасения. О, любимый мой, это ты, ты был тогда в воскресенье в саду? Тогда я в тебя немного втюрилась, хи-хи.

И она потащила его к кровати, рывком повалила на нее и стала безумно его целовать. И он ее тоже. Он обманывал себя мыслью, что целует Орэу, и никогда еще не чувствовал такой боли, наслаждения, торжества. Как будто забытая Все тайна с грохотом по-дружески открывалась перед ним. Ему пришлось напрячь всю силу воли, чтобы прийти в себя. И в тот же миг оправилась и Эррата. Волосы ее встали дыбом, лицо изменилось от ужаса.

– Она, глянь туда! Орэа! Опять, о Боже животворящий!

Он посмотрел в ту сторону, куда она показала рукой. И увидел, что в углу камеры что-то волноо-

бразно двигается, как бело-серый столб пара, постепенно принимая подобие человеческого тела – и вот уже ему показалось, что он узнает Ее лицо. Внезапный ужас охватил его, и, не зная почему, он махнул рукой, дико повелевая. Видение исчезло.

– Уже пропала, – шептала Эррата, упавшая на пол. – Она не желает отдать тебя мне. Она ревнива, хи-хи-хи... чудище морское! Ах, голубчик, собственно говоря, я люблю ее больше, чем тебя. Елки, как она умеет целовать! Лучше тебя, деревенщина! Поэтому я и попала в дом умалишенных. Потому, что я говорила, что вижу ее, а они не видели. Все приличные люди попадают в сумасшедшие дома, потому что видят то, чего другие слепые и безумные не видят. Если бы я сказала только, что у меня «галлюцинации», хи-хи, не отправили бы меня в сумасшедший дом, а, может быть, сделали бы врачом. А я, глупая, говорила им, что то, что я вижу, – это правда, а такие вещи дураки не прощают. И с тех пор моя кожа стала больше синей, чем белой, погляди сам!

Она подняла юбку. Это была правда. Он посадил ее на кровать.

– Я хочу всю жизнь быть с тобой, – произнес он искренне. – Буду защищать тебя от людей и от фантомов или паду вместе с тобой.

– Ты бы хотел жениться на мне? Но посмотри, как я выгляжу! Я сама этого не знаю, эти вахлаки не дали мне сюда даже зеркальце! От этого я, мол, безумствовала бы еще больше, но скажи, что такое женщина без зеркала? Знаю, что выгляжу старой, но ведь я, безусловно, моложе тебя, мне только тридцать шесть.

– Эррата моя, рассказывай, что произошло тогда двенадцать лет назад в Кортоне? Расскажи обо всем, и о своей дальнейшей жизни. Но коротко и толково, хорошо, любимая моя?

– Да! Теперь я чувствую себя вполне разумной и всегда была бы примером здравомыслия, если бы ты не расставался со мной. Но стоит только одному из этих мерзавцев сюда войти, я не знаю почему, но во мне что-то начинает ужасно взвиваться и я болтаю чепуху. Когда они меня не видят, они не подозревают, какая я умная, а когда видят, я не виновата, что становлюсь неумной. По справедливости я даже не могу их в этом обвинять, правда?

54

– Наоборот: единственное, в чем можно упрекнуть людей, это в их глупости. Рассказывай, дорогая!

И Эррата принялась рассказывать, теперь совершенно как нормальный человек, иногда весело и улыбочиво. Теперь она стала даже обращаться к нему на вы. А он, все еще трепетавший от недавнего полуявления Орэи, слушал с необычайным волнением.

Теперь, чувствовал он, теперь решается ужасная загадка моей жизни. Все прежнее являлось только подготовкой к этому моменту.

– До того влажного, алого вечера в ущелье я ни разу Ее не видела. Я бродила неподалеку от городка, полностью поглощенная мечтами. Внезапно, как будто свершилось чудо, она стояла передо мной. Никогда я так не пугалась. Шелковистораскатистым голосом, как отдаленная речь синей вечерней грозы, она задала мне какой-то совершенно обыденный вопрос. Я отвечала как идиотка. Но она была так очаровательна, что вскоре я в достаточной мере пришла в себя и даже осмелилась, не знаю почему, предложить Ей проводить Ее часть пути. Она с очаровательной улыбкой приняла предложение и внезапно приобняла меня: хотя от этого я затрепетала, как от поцелуя тигра, с этого момента я в Нее влюбилась. И через мину-

ту после этого мы встретили вас... Думаю, что при первом взгляде на ваше лицо я бросилась бы вам в объятия, если бы Орэа не прикасалась ко мне локтем... «Он зашатался, как только увидел вас», – сказала я Ей, когда мы вас миновали. – «Он знает меня, не ведая об этом, – ответила она равнодушно, – у него совесть нечиста, это самый большой негодяй на свете». Но я прекрасно знаю, что лицо Ее стало белым, как мел, я даже думаю, что услышала ужасное биение Ее сердца, но, может быть, оно исходило только из моего слуха, или из сердца дремучего леса – не знаю. У меня не хватило мужества расспрашивать дальше. Мне быстро становилось все хуже и хуже. Она, будто догадавшись об этом, вскоре распрощалась со мной. Ух, как же свободно я вздохнула, когда очутилась в саду ресторана, среди приветливых людей! А всю ночь мы без передышки ужасно целовались, плакали, и, превратившись в два чудовища, пожирали друг дружку.

55

Вторично встретились мы с ней в то воскресенье до обеда; странно, что я каждый раз встречала сначала Ее, и вскоре мы встречали вас. Я сидела на краю леса, вблизи того ресторана, читая и слушая музыку. Внезапно на озаренную солнцем страницу книги легла тень, такая бездонно черная, какую я ни разу в жизни не видела. Она! Но я уже не испугалась так сильно, как в первый раз. Вокруг ходило довольно много народу, и день был такой же сияющий, как и музыка. Она очаровательно подседа ко мне и принялась рассуждать о моей книге и о литературе с таким остроумием, какого я в жизни не слыхала ни от одной женщины. Мы долго сидели там, она совершенно одурманила меня и, в конце концов, меня поцеловала... С этой минуты моя судьба определилась... Своими

губами я также приняла с Ее губ конфету... Ох, я почувствовала, что поцеловала саму смерть, и любовь моя уступила место ужасу... С тех пор это стало основной темой моей жизни: любовь – ужас, ужас – любовь; одно хуже другого. Я была очень благодарна ей за то, что Она предложила мне пойти с нею в сад. Но и там я чувствовала себя ужасно подавленной, пока не встретила с вами... Но вскоре Она все же вас победила. Я снова завела разговор о вас. Она сказала, что вы ужасный садист, который не побоится даже эротического убийства. Это правда?

– Кто любит, тот уже садист и мазохист. Эти три слова обозначают одно и то же. Но у меня это сопровождалось всегда лишь безвредными делами. Я жил всегда более в сновидениях, чем в действительности. Может, во мне есть зерно таланта к великодушному садизму, но оно не проросло.

– Что-то вроде этого говорила мне потом и Она: что, мол, сейчас вы находитесь на пути к исправлению, но раньше были совершенной бестией. Что, мол, когда-то она это испытала на самой себе.

– Когда-то?.. Может, в сновидениях? – сказал он, и сердце у него забилося.

– Да, Она говорила, что все является только сном, что сон – это вечность. И что *единственным грехом является то, что во сне люди безумствуют*; и это необходимо излечить, из-за этого, мол, и живут все люди, животные, и растения, и звезды. И во время этого Она плакала, я ясно видела слезы на Ее щеках. «Она любит его», говорила я про себя и ревновала. А, взглянув на вас, я ревновала на обе стороны... Но теперь я люблю вспоминать о той весне моих удивительно странных чувств любви... Однако я чувствовала себя все ужаснее, я даже не заметила ни смятения, происходивше-

го в обществе, ни всех взглядов, направленных с ужасом на Нее... И тут она опять чарующим образом отделилась от меня, и я выбежала, чтобы не лишиться чувств, в сторону смеющихся лугов... И только вечером, когда я сидела в столовой гостиной, люди обращались ко мне: "Ох, с кем это вы, собственно говоря, сидели?"

– С кем? С кем? С кем?

– С духом Оленьей Головы! Но вы побелели как снег!

– С духом... Оленьей Головы?

– Да. Уже около ста лет он там водится. Показывается всегда только в июне; как правило, только на верхушке, но иногда и на косогорах; внизу в деревне его в то воскресенье видели впервые, в моем обществе. За эти сто лет многие люди, видевшие Ее, сошли потом с ума от ужаса или свалились в пропасть, так как их конечности внезапно отказались им служить... Так вот кто такая эта наша любимая, хи-хи-хи!.. Не лишитесь чувств!

– Уже все прошло! – пролепетал он, падая на кровать. – Ужаснее всего – это любить привидение. Ужасно также любить настоящую женщину и знать, что она недосыгаема, а что же получится, если это фантом или страшилище из ада, которое тащит человека куда-то в черноту. Естественно, остается только бежать перед ней, а между тем человеку приходится лезть за ней как белка в раскрытую пасть питона. Я не удивляюсь, что вы наполовину сошли с ума, я очевидно сойду с ума полностью. Фу! Пропади все пропадом! Но эта пропасть будущего предо мной... Знаешь ли, Эррата, что... я теперь тебя... почти даже... не вижу?

– Голубчик мой, кому не знать все это лучше меня. Может, придется мне подпирать тебя...

– Продолжай! – трясся он, точно умирающий. – Ох, каким идиотом я был до сих пор, сколько времени я был ослеплен самой на свете большой дурью, которая называется несуетверием! Однако неудивительно, что душа защищается от привидений всеми средствами; одно дыхание призрака убивает вернее, чем все пулеметы... Не каждого... не невлюбленного, не потерявшего разум. Блажен тот, кто здесь и вне мира сего до сих пор владеет разумом и волей. У меня они как раз улетели... но прилетят опять! Продолжай!

– Тогда, вначале, я тоже этому не верила, как не верят до сих пор все эти мерзавцы здесь. Но голова не верит, а сердце верит. И, в конце концов, поверит и голова, что еще ей остается?

Так вот: в то самое воскресенье... почему я сразу и навсегда не уехала, как мой ужас надоумил меня? Но меня манила Она, манили и вы... ты манил меня... И вот забрезжил тот ужасный день. Ранним утром, как обычно, я пошла в лес у подножья Оленьей Головы. Я мечтала Ее увидеть, но в десять раз больше боялась этого. И чем дальше в лес я проникала, тем больше возрастал мой страх, до тех пор, пока, наконец, я не повернулась, чтобы бежать обратно, и не увидела Ее перед собой на расстоянии одного шага... Я упала на колени. Она подняла меня и сказала с чарующей улыбкой: «Очевидно, эти дураки наговорили вам обо мне всякое! Я всегда с удовольствием вожу людей за нос. Пойдемте со мной наверх, я все объясню!» Она сказала это так властно, что я, как кукла, послушалась Ее; Она рассказала мне, что летом обычно живет в деревне, расположенной на другой стороне Оленьей Головы и, услышав о легенде, что на горе появляется видение молодой дамы, решила убедить жителей, что это именно так, и

время от времени появлялась там при разных необычных обстоятельствах и в диких уборах и вела себя так странно, что все в ужасе бежали от нее. «Может быть, – говорила Она, – в моем лице таится что-нибудь страшное; может быть, у меня имеются определенные магнетизерские способности. Я сужу так из-за чувств, которые, как мне кажется, я вызвала у вас. Но дама столь интеллигентная, как вы, не будет верить этим смешным толкам; сегодня я представляю вам комедию, которую вы не забудете, но для этого надо подняться очень, очень высоко. Вы согласны?» – спросила Она, но какой приказ таился в этом вопросе! Я хотела ответить: «Простите, но сегодня я не могу!» Это уже вертелось у меня на языке, но какая-то сатанинская сила вложила мне в уста другие слова: «С большим удовольствием!» Видя, что моя воля совершенно подвластна ей, Она больше не старалась меня убедить, и, почти не разговаривая, мы стали подниматься наверх. О, какими ужасными были эти несколько часов! Как собачка, я бежала за Нею; если бы Она прыгнула в пропасть, я бы бросилась туда следом. Так мы продвигались все выше и выше и находились уже почти под вершиной. Вид у Нее был все мрачнее и ужаснее. Наконец я настолько собралась с духом, что чуть не сказала: «Надо вернуться». Но Она опередила меня: «Отдохнем!» И я, точно ягненок, легла рядом с Нею. Она закусила губу, Ее тело как будто извивалось от боли. Через некоторое время она зашла за ближайшую скалу. Я чувствовала смертельную усталость, совершенно необычайную, это никак невозможно было объяснить утомленностью и волнением; но, несмотря на это, мои конечности не были тяжелыми, наоборот, как будто они лишились всякого веса. Даже могу сказать, что на какое-то время я

себя перестала видеть. Наконец Она появилась, веселая и жизнерадостная. «Наверх! Сейчас это свершится!» – и она запечатлела поцелуй на моих губах. Мы шли к леднику с волшебной быстротой. Мои конечности становились все более легкими, и Она поддерживала меня. Но вскоре мне стало казаться, что в мои жилы вливают свинец... однако, и Она слабела и мрачнела и, в конце концов, заявила, что пойдет позади меня. Как странно звучали Ее шаги, они как будто шептали, иногда вообще затихали; но у меня долго не хватало храбрости оглянуться. В конце концов, все-таки... и – о ужас! Ее фигура как-то странно мерцала, была прозрачна, словно струя воды, я словно видела сквозь Ее голову скалы. Я упала на землю, вокруг все потемнело. А когда снова появился свет, Она, как и прежде, стояла передо мной и смеялась. «Чего это испугалась мадам?» Я ей объяснила. «Это естественно: теряющему сознание все кажется мигающим, все расплывается перед глазами; усталость, разреженный, непривычный для легких высокогорный воздух... простите великодушно, что я причинила вам неприятности, но вы будете за все щедро вознаграждены». Она все еще смеялась, но одновременно вытирала кровь, которая текла из ее искусанных пальцев и губ. «Надо сказать, я тоже ужасно нервничаю, и у меня был свой припадок безумия; но теперь все в порядке. Вперед!» Напрягая последние силы, я пошла, Она ступала за мной. Мне казалось, что какой-то вампир высасывал из меня жизнь. А затем эти шаги за спиной снова затихали... Охваченная внезапным ужасом, я оглянулась... и Ее там вообще не было, хотя за несколько секунд до этого я Ее еще слышала, причем место было совершенно плоское, без скалистых выступов и углублений. И тогда, обезумев

от ужаса, я стремглав бросилась бежать. «Беги, беги в свою пропасть!» – раскатисто гремело все за мной, вокруг меня, но, когда я обернулась, я опять не видела Ее. «Вниз, вниз!» И тут я услышала ваш голос и узнала вас. Естественно, охваченная таким ужасом, я подумала, что вы тоже привидение, объединившееся с Нею против меня. Только далеко, внизу, когда я увидела, что ни вы, ни Она меня не преследуете, когда я стала более разумно смотреть на вещи, я сказала себе: «Может, он только Ее жертва, может, Она хотела показать мне его смерть!» И я закричала вам, чтобы вы вернулись, потому что наверху вас ждет гибель. Но вы не слышали или не хотели слышать. Я рада, что Она тебя там не задушила. А теперь расскажи, что случилось там наверху!

– Расскажу позднее. Теперь ты мне расскажи, что происходило с тобой с тех пор. Скорее, время не терпит. Ты видела Ее еще когда-нибудь?

– Сто раз! Постоянно. Они называют это галлюцинациями, но то, что я вижу — и есть настоящее. Я уже не способна отличить Ее от этого стола, или, допустим, от тебя, ты только что видел, что я считала тебя призраком. Только тот видит разницу между явью и сном (а сон – то же самое, что явь и смерть), кто не познал ни сна, ни яви. А эти здесь это не познали, поэтому я сижу в сумасшедшем доме. Она обедала со мной, мылась со мной одновременно в одном умывальнике, примеряла на мне платье, однажды даже вычистила мне ботинки! А сколько раз Она спала рядом со мной в кровати! И никто, кроме меня, Ее никогда не видел; или сошла с ума я, или все остальные. Думаю, что они. Несмотря на то, что здесь побывала тысяча ослов, ума было не больше, чем от одного осла. Только ты, ты понимаешь меня! С тобой я буду

здорова! Мы вдвоем с тобой, да и с этой Орзеей поступим мудро, правда? Ведь у нас даже может родиться ребенок! Мы будем счастливы тем больше, чем больше были несчастны до сих пор; ведь, в конце концов, после плохой погоды приходит прекрасная.

– Любимая, факты, скорее!

62 – Ну хорошо, не сердись. На Оленью Голову я с тех пор не поднималась. Я все время хотела туда пойти. «Там наступит конец моим мученьям», – говорила я себе, но не нашла храбрости. И зачем было мне туда за Ней ходить, ведь Она была постоянно со мной. Так ужасно была со мной. Ты можешь это представить? Бесконечно и ужасающе боишься Ее, потом скажешь себе: «Довольно, больше не буду думать о Ней!», ужас помаленьку отступает, но тут же появляется желание снова быть с Нею, – «снова увидеть Ее и умереть» – скажешь себе, и увидишь Ее, и чуть не умрешь от этого, – и так все возвращается на круги своя – постоянно, постоянно. Я долго скрывала это в себе. Но потом стала щебетать. Мои родственники (я богата) желали моей смерти. Они пригласили ко мне психиатра; он выдал себя, продажный мерзавец, за моего дальнего родственника. Если бы я ему сказала, что у меня галлюцинации, они сунули бы меня в какой-нибудь санаторий для нервнобольных; но потому что я перед ним страстно защищала свое убеждение, что Орза является высшей, более настоящей действительностью, я нахожусь здесь. Ах, это безумное человечество! Но я не осуждаю их, каждый червяк знает, почему он зарывается в землю.

В эту минуту распахнулась дверь, и ворвался очкарик с глупо разъяренными глазами.

– Это он, этот психиатр, этот продажный под-

лец! – воскликнула Эррата. – Любимый мой, Сидэр, защити меня от него! Меня опять охватывает безумие... эта... эта... булка с маслом.

– Вы, негодяй, что вы тут делаете? – заорал профессор на Сидэра. – Кто из этих мерзавцев дал вам право... а ты, сдуревшая, – он резко повернулся к Эррате, схватил ее за волосы и пощечиной свалил ее в кресло. – Здесь твое место, животное!

Сидэр был атлет, хоть и не тяжеловес. Профессор получил такие две оплеухи, что свалился на пол и только слегка задергался. «Нужно бежать, – блеснуло в голове у Сидэра. – Теперь мне нельзя быть арестованным. Нужно полностью обезвредить его, чтобы он не наделал шуму».

Молниеносный удар в висок, и психиатр валялся на полу как труп.

– Ура! Ура! – восторженно закричала Эррата и стала дубасить его кулаками по лицу.

– Возлюбленная моя, – Сидэр оттащил ее. – Я должен сию минуту удалиться. Ты будешь навсегда моей! Наши судьбы неразделимы! Вместе мы победим! Я скоро увезу тебя отсюда! Пусть пока надежда дает тебе силу! Я всегда с тобой, слышишь? А Она, эта грозовая туча, изменится для нас в любовное золотое облачко! До свидания!

Он в последний раз поцеловал ее и выбежал из помещения.

– Я счастлива, Сидэр мой, ты придешь, придешь непременно, придешь скоро, я верю! – звучали позади ее слова...

* * *

Но Сидэр сам толком не знал, что он обещает в своем экстазе.

Убегая из сумасшедшего дома, он понимал лишь одно: надо немедленно уезжать. Куда, он не ведал. На вокзале купил свежую прессу и сел в первый же поезд.

– Безусловно, я прочитаю сейчас, что Варвара скончалась не насильственной смертью, – сказал он себе, несколько успокоившись, когда поезд тронулся. – В таком случае – обратно в Кортону!

64 Но в ту же минуту его ошарашила мысль обо всем ужасе сообщения Эрраты.

– Я не найду в себе силы для этого, – почувствовал он. – Раньше, может быть, ужас всего этого меня соблазнял, но теперь он меня сокрушает. Я изнурен, я потерян.

Он тупо взял газету и стал читать:

«К истории убийства старейшей женщины нашей страны шоттридцатисемилетней Варвары. Медицина без всяких сомнений доказала, что старуха была задушена: на ее шее были найдены странгуляционные борозды. Гнусный, безусловно извращенный виновник этого отвратительного преступления еще не пойман. Однако известны его приметы (следовало достаточно правдивое описание его внешности), а также куда он направляется. Вероятной его целью является городок N.N., в котором находится известный дом умалишенных. Побуждением для действий уголовного были деньги, так как согласно показаниям Гаты, девяностопятилетней дочери старой Варвары, удрученной смертью горячо любимой матери, из ящика стола исчезла определенная сумма, а также некоторые драгоценности. Нет такого человека, который всей душой не желал бы беспримерному негодю как можно скорее попасть в руки карающего правосудия».

Сидэру пришлось одновременно захохотать, вздрогнуть от пробежавшего по коже мороза и почувствовать облегчение. Он был избавлен от тяжкого бремени самопроизвольного решения.

– Куда деваться? – раздумывал он. – Эх, поедука я домой. В большом городе легче спрятаться. И три раза я видел там Ее. А потом пойду на Скалистую улицу. Двойник старой Варвары, мудрая женщина, объяснит мне, я чувствую, всё. Да, к ней обращены все мои надежды... Ведь, черт побери, все еще не вполне ясно, что Орэа является духом горы. Хотя Эррата и не сумасшедшая, но все же до трезвого взгляда на всю историю ей так же далеко, как мне до того, чтобы воровать у старой Варвары. Да, это так!

65

Он почти совсем успокоился. На ближайшей станции вышел и то поездом, то автомобилем, то на лошадях, то на своих двоих, выбирая самый извилистый путь, чтобы замести следы, утром 10 июня добрался до своего города.

Все дообеденное время он проспал, а после обеда занялся изменением внешности. Прежде чем выйти из дома, он инстинктивно взял все наличные деньги и вынул из бумажника, который носил в нагрудном кармане, портрет Орэи. Долго глядел на него и снова положил в бумажник... Потом зашел в малозаметное кафе и там прочел:

«Новое злодеяние убийцы старой Варвары. Этот извращенный уголовник, видимо, решил вымостить весь свой путь самыми отвратительными преступлениями. Четвертого числа сего месяца он проник в сумасшедший дом в N.N. Перерезал веревки, связывающие в целях охраны перед самоубийством умалишенную госпожу Э. С. Без сомнения, он совершил это для удовлетворения своей извращенной похоти. Застигнутый расплож

глубокоуважаемым заслуженным ученым профессором Н.Н., он ударил его несколько раз молотком по голове и убежал. Несчастливая жертва своей профессии, господин Н.Н. был найден одним из надзирателей в бессознательном состоянии. Мужчина этот заявил, что незнакомый негодяй усыпил его хлороформом. Ввиду того, что речь идет о воре, действовавшем у старой Варвары, нет сомнений, что изверг ограбил оглушенного ученого, хотя последний, находясь в сильном нервном шоке, способен реагировать на все только плачем и не может вспомнить, много ли было при нем денег. Но даст Бог он вспомнит. Безумная Э.С. принимает всю вину на себя и утверждает, что это она оглушила кулаком добрейшего доктора; бессмысленность этого утверждения не подлежит сомнению. Уже известно, куда бежала из дома умалишенных эта гиена в человеческом обличье; очевидно, она находится в крупном городе N. и в течение нескольких часов будет арестована».

Сидэр выбежал из кафе. В первые минуты он едва владел собой.

– Прочь, прочь отсюда, как можно дальше, на край света! – Это была его единственная мысль. – Куда-нибудь во внутренние провинции Китая, или в дремучие леса Эквадора... только как можно дальше от этого ужаса, чтобы все это, наконец, кончилось.

Он вскочил в дрожки. Но очень быстро вспомнил, что находится совсем близко от Скалистой улицы. Краткое колебание...

– Эх, зайду туда еще! – решил он. – Несколько минут меня не погубят, разве можно навсегда покинуть Европу, пребывая в такой ужасной неизвестности? Нет, я чувствую, что не выдержал бы и сошел с ума на чужбине. Предчувствую, что все сейчас прояснится.

Солнце как раз зашло, когда он очутился перед черным домиком. С юга надвигались темные тучи, постоянно освещаемые молниями и зловеще грохочущие. Сидэр быстро вошел в коридор.

Снова он стоял перед знакомой дверью. Услышит ли он издали наводящие ужас шаги, дико, безумно приближающиеся, как само время? Нет – вместо этого крики детей и бранящий их бас. Он зажег спичку. «Даниель Шкопек, сапожных дел мастер» – прочитал он на двери. Постучал.

– Ну, входите, входите! – проворчал голос.

Он вошел. Кухня, превращенная в мастерскую сапожника. Четверо маленьких детей валялись на полу, сапожник сидел на треногом табурете. На лице его было такое выражение, как будто он только что выпил четверть литра денатурированного спирта. Из соседней комнаты верещал сварливый женский голос.

– И все-таки эти помещения такие же, как тогда в Кортоне, – подумал Сидэр и произнес растерянно:

– Извините, живет ли здесь очень старая женщина по имени Варвара?

– Что-о-о? – сапожник привстал со стула. – Здесь обитает только одна женщина, а именно моя жена, и зовут ее Елизавета, и, хотя этой бабе уже тридцать пять лет, все-таки она не такая уж старая.

– Но приблизительно три недели назад здесь жила столетняя старуха, и у нее несколько дней гостила молодая, прекрасная дама.

– Господи, снова! – закричал женский голос, и на кухню вбежала, крестясь, жена сапожника. Дети стали плакать, гром загремел так, что весь домик затрясся.

– Я все время говорю тебе, Шкопек, что здесь водятся привидения.

– Тише, баба! Довольно с меня этих предрас-судков! А ну заткнитесь, пацаны! – и он поднял ремень.

– Они, господин, кажись интелликенты, сказали бы мне, говорят ли они это взаправду или пришли сюда надсмехаться надо мной?

68 – Разве старая Варвара никогда здесь не жила? – У него так дрожали ноги, что, хотя никто ему этого не предложил, он сел на скамью. – Я видел ее здесь в коридоре совершенно точно.

– Господи помилуй, я ее тоже видела! Однажды вечером, когда я была одна дома, вдруг вижу – она тащится, страшно медленно, еле ногами двигает, через кухню и заходит туда, в спальню. Когда я снова смогла встать на ноги, я побежала туда за ней, но ее там не было, а она не могла оттуда никуда уйти, ведь там больше никаких дверей нет, а окна были изнутри закрыты. И другие люди ее тоже видели, а иногда еще такого красавчика молодого барина и двух прекрасных дам, и все они втроем были каженный раз так распрекрасно одеты, как какие-то чучела, как одевались люди во время императора Бонапарта. Муж мой, Шкопек, я больше жить здесь не стану, я не хочу спятить с ума, да и заказчики к нам носу не кажут.

– Баба, я говорю тебе, ступай картошку чистить, иначе я тебе мозги вправлю. Такая дурь! Мне думается, что живем мы в просвещенном веке, я никакой не интеллигент, я простой рабочий, но завсегда социальный демократ, не верю ни во что, так что они пусть себе идут, да закроют хорошенько за собой дверь, чтобы молния сюда не вдарила...

Сидэр очутился перед домом. Из почерневшего неба валились необозримые водопады, серным светом пылающие в непрерывном адском небесном пламени; как своры сотен львов, ревели голоса неба. Но он не слышал их, не видел молний, не чувствовал бичевания воды и града...

– Все исчезает, – гудели мысли в его голове. – Все на свете фантом... Но ведь у меня есть еще вещественное доказательство!

Он быстро засунул руку в карман. Вынул бумажник, стал перелистывать бумаги.

69

Портрета не было. Снова обыскал все тщательно – напрасно!

– Но я знаю ведь, во всяком случае, так же точно, как знаю, что сейчас ударил гром, что, уходя из дома, я положил его между листами бумаг. Исчез и он, исчезла вся действительность, весь разум. Все...

– Прочь отсюда, от всего этого... но куда, куда?

И, как безумный, он мчался в безумно светящуюся, безумно орущую, безумную ночь – куда, куда?..

Он метался по всему земному шару. Жил на вершинах Алтая и Кордильер, пропадал в пустыне внутренней Австралии, пересек всю Африку. Не столько из-за того, чтобы уйти от стервятников, – главное, чтобы убежать от жуткой своей любви. Первое получалось отлично; второе никак не получалось... Так же, как Эррата, он постоянно любил Орэу с ужасом, и любил свой ужас, и ужасался своей любви, и безумствовал от этого все больше и больше. Но теперь он уже никогда не видел свою возлюбленную воочию, «галлюцинации», как у Эрраты, были ему недоступны; тем глубже Она проникала в самые потаенные его мысли.

Она овладела им полностью; напрасны были все усилия избавиться от страшной Госпожи. Напрасно он старался внешне рассеяться, напрасны были все авантюры, охоты на тигров; напрасно было опьянение алкоголем, опиумом, другими женщинами. Напрасно было учение, тщетны были дикие попытки путем стоицизма, божественного взгляда на все развеять Страшилище, предназначенное ему Судьбой. Его парадоксальная жизнь была только игрушкой Судьбы; Ее избранником он не был. И даже там, где он побеждал, вскоре наступал таинственный упадок духа; он сразу при-

нимался поживать на лаврах. Какая ужасающая судьба – не уметь воспользоваться своей победой. Всему свое время. Упустишь его, напрасно будешь призывать умершего из могилы. Настоящая побеждающая сила продолжает годами, всю жизнь, идти по своему победному пути, только так можно победить в борьбе – Жизненной Борьбе. К чему-то иному был предопределен день Жизни Вечной, которым являлась земная жизнь Сидэра.

В первую очередь он боролся с самой Орэей. Он смирялся с мыслью, что Она только привидение, он даже сумел влюбиться в Нее как в привидение и в этом нашел удивительную возбуждающую способность. «Бояться призрака? Что за чушь? Что может быть более манящим, соблазнительным, чем любить его, целовать его, проводить с ним ночи?» Ее посещения в сновидениях бывали иногда для него ни разу прежде не испытанной прелестью. Он бредил от наслаждения иногда сто дней подряд после одной такой ночи. Особой, утонченной гордостью наполняло его то, что он любит и любим трансцендентальным существом; он чувствовал, что только в этом и заключается смысл его жизни. Однако никакая радость не ублажает человека вечно, она только одурманивает его; затем и живет червь, чтобы страдать для бесконечной Радости Будущей; чтобы взять приступом небесный крепостной вал.

Все победы Сидэра кончались медленно, но верно подступающим безумием... Подобно Эррате, которой он обещал помощь, и сам, нуждаясь в ней, помочь не сумел, несмотря на некоторые недостаточные энергичные попытки...

– Домой! Туда, где я Ее видел, – воззвало, наконец, все в его душе. – Пусть случится что угодно! Пусть меня казнят, и без этого смерть разекает на

меня пасть. Пусть сразу с ума сойду, пусть сгорю в безумии, это лучше, чем медленно в нем гнить. Пусть загремит Конец, да свершится сразу то, чему положено свершиться! Я – это Она! Вперед туда, где Она являлась мне, за святой, увенчанной славой Судьбой!

72

Так он сказал себе и послушался. Но только лишь своего непреодолимого желания, страха перед полным развалом, своей беспомощности, безвольности; никак не воли, которая рождает действия. А состояние его души, ужас минувших лет так отразились на его лице, что, когда он приехал в свой город, не было нужды искусственным образом менять внешность...

Он прибыл 31-го мая вечером, почти через три года после того, как бежал оттуда.

* * *

Сразу на следующее утро, еще в сумерки его разбудил бешеный стук в дверь номера в гостинице, где он пока поселился, так как у него не хватало храбрости посетить вечером свою собственную квартиру.

Он открыл. В номер ворвалась Эррата. Разодранная одежда вся в грязи, на изможденном лице жуткая гримаса, из глаз, как из окон, глядело вечное безумие.

– Мое почтение! – заорала она, хохоча, и плюнула ему в лицо. – Вот только это мне хотелось сделать, негодяй, а теперь ступай ко всем чертям! Я удрала от этих собак из сумасшедшего дома, и теперь они гонятся за мной по пятам, пускай себе приходят и лают, мне уже все равно! Подлец, ты хуже этих собак! Все надежды я возлагала на тебя, а ты не пришел и не спас меня, врал как пес, я

уже тогда знала, что ты хвастун несчастный, беспомощный калека, паршивый призрак! Де-факто ты только убогая арфистка или дебреценская со-сиска. Еще не знаю, кто из них. Ты пришел только потому, чтобы надавать тумачков этой твари и этим еще ухудшить мое жуткое положение. Ах, как они с тех пор меня били! И только после этого я действительно потеряла рассудок, единственное, что от него осталось, это то, что я знаю, что лишилась его. Ты убежал от меня трусливо, как убегаешь перед всем на свете, так сказала мне – Она! Но я тебя нашла! Хотя я не знала, где ты живешь, я инстинктивно нашла верный путь к тебе, как вылупившаяся черепашка безошибочно находит море, которого не видит, как перелетная птица находит прошлогодний скворечник, как кошка, которую в мешке переместили в места, на много миль отдаленные – я нашла тебя, голопузый, какие худые у тебя икры, фу! Хи-хи-хи-хи!

– Садись, Эррата, я достану для тебя приличную одежду, – с трудом вымолвил он и положил руку на ее шею.

– Не касайся меня, арфистка! – завывала она и кулаком ударила его по лицу. Ты, только ты являешься причиной гибели моей и – Ее. И чтобы ты знал: тогда в сумасшедшем доме я прекрасно обманула тебя, ни единое слово не было правдой. Хи-хи. Тогда я сразу сказала себе, что больше всего этот негодяй будет наказан, если я буду водить его за нос, говоря, что Орэа – привидение. И он, дурак, действительно поверил! А теперь я отомщу тебе лучше всего, если скажу правду: Она настоящая женщина, такая же, как и я. Я познакомилась с Нею за годы до того, как встретила тебя, дурака, в Кортоне. Это была богатая дама, которая каждый год летом приезжала на дачу на другой сторо-

не Оленьей Головы. Обе мы были эксцентричные, так что подружились и договорились коротать время, пугая суеверных дураков. Мы любили друг друга. Но когда вмешивается паршивец-мужчина, конец женской дружбе. Еще тогда вечером, в ущелье мы договорились лишить тебя рассудка, зная, что у тебя и так его нет. Но потом, в воскресенье, мы втюрились, дуры, в тебя и стали ревновать обе как кошки. Ты дурак, она не исчезла там наверху, мы просто там из-за тебя, подлеца, подрались. Если у нее кровоточила губа, так это было от моего удара кулаком. «Подавись им, желаю приятного аппетита!» – сказала я ей, растрепала ей прическу и побежала вниз. «Пускай себе она насладится им, паршивцем, там наверху, – сказала я себе, – пускай он видит, какая у нее высохшая грудь. Я нарочно бежала мимо тебя, делая вид, что тебя не вижу, и только снизу кричала тебе: «Ты лезешь за хорошенькой шлюхой!» А если потом, позднее, я немного с ума сходила, это было только из-за того, что чуточку любила тебя и не могла тебя найти, – все у меня в голове путается. – Она все время за мной лезла, но это не была галлюцинация, а только гомосексуальность.

Утомленная, она опустилась в кресло.

– Эрраточка, знаешь что? Ты наденешь один из моих мужских костюмов, это будет самое разумное, чтобы тебя не узнали. И потом сразу прочь из этого города. На этот раз я спасу тебя.

Она долго не отвечала, глаза закрыты. Потом вытащила спрятанный на груди кусок мела.

– Смотри, – засмеялась она триумфально, – вот что я нашла, на улице, представь себе! Такие вещи валяются на улице! – и стала рисовать на дверь нечто, похожее на зверя. Потом вдруг вздрогнула. – Ах, слышишь? Они уже идут за мной, собаки. Слы-

шишь их лай? Уже идут, уже идут, пришел конец всему.

– Эрраточка, это только лает собака молочника.

– Нет, это они! Я знаю то, что сегодня день искупления. Когда я сегодня ночью лежала в лесу, Она явилась мне и сказала: «Еще завтра ты будешь у меня, освобожденная навсегда от человеческого безумия». Орэа, любовь моя, я иду к Тебе, к Тебе!

Она стремительно схватила обнаженный кинжал, который Сидэр держал на ночном столике на случай, если придет полиция.

– Я не могу попасться им в лапы, я поклялась себе! Прочь, негодяй!

И быстро прыгнув к стене, она дважды молниеносно вонзила сталь в сердце...

– Орэа, возлюбленная моя, сестра моя, я вижу Тебя, Ты улыбаешься мне, я Твоя, Ты открываешь мне объятия, я в Вечном Сиянии Твоя и твоя, мой Сидэр!

Это были последние слова сладкой, святой Эрраты. Последние в этом самом обманчивом мире, называемом «явью», «действительностью», после которой вспыхнет сияние сияний – конечно только для того, кто здесь видел хотя бы его отблески...

Сидэр считал самым разумным самому оказать возлюбленной последнюю услугу. Он еще пробыл недолго у холодеющего трупа, роняя слезы, а потом решительно отправился в свой дом. Время было подходящее, улицы еще почти безлюдны. Имея при себе ключи как от своего дома, так и от квартиры, он легко попал внутрь. Хотя разбросанные предметы свидетельствовали о посещении квартиры должностными лицами, он нашел свои комнаты почти в таком же состоянии, в каком их

покинул. Взяв с собой некоторые вещи – помимо прочего, большой чемодан и несколько книг, – он спешно вернулся в гостиницу. Ничто не свидетельствовало о том, что приход и смерть Эрраты были замечены. Ее тело было совершенно высохшим и легким как перышко. Он поместил его в принесенный чемодан. И в то же утро переправил его на место недалеко от города, которое подыскал еще несколько лет назад на случай какого-нибудь деликатного дела... Часть скалистого ущелья, которую легко было не заметить; с невысоких косогоров было видно вокруг на километр, не идет ли кто-нибудь. Над дном ущелья, в одном месте, перпендикулярно торчала сильно подмытая стена из обветренного сланца. Сидэр положил под нее свое дорогое бремя. Достаточно было несколько раз ковырнуть палкой – как два-три кубометра горной породы с грохотом свалились на чемодан. Все заняло меньше минуты. Сладкая Эррата была похоронена глубже, чем в обычной могиле.

Не в общем, гнусном могильнике подлого, безумного человечества лежит замученная им Эррата; далеко от него, в тихом, чистом уголке, почти не оскверненном ногой человека растекается на атомы бывшее одеяние Ее вечной Души, но так же, как и душа, бессмертное; в объятьях матери огромной могилы-памятника, извечно темной спящей скалы, оно спит тут, темно, и тихо, и монотонно, и сладко навеки... Однако, ярче солнца, которое сверху ласково прогревает скалу и прах Эрраты, быстрее эфира летает, сияет и гремит Ее искупленный, освобожденный Дух.

Дальнейшие дни Сидэр провел в городе, не посещая свою квартиру, каждую ночь проводя в разных гостиницах или на природе. Пока что полиция его не тревожила. Каждый вечер он бродил по улицам в надежде снова встретить Орэу.

Его состояние, несмотря на ужасное происшествие с Эрратой, несколько улучшилось. Потому что после трех лет в Сидэре возродилась надежда, что, вопреки всему, может быть, Орэа – человеческое создание. Робкая, слабенькая надежда, питаемая больше желанием, чем вероятностью. Она сильно возросла, когда шестого июня он прочитал в одном альпийском журнале следующее:

«Наконец! Лицо, которое, пользуясь суеверием, распространенным среди жителей в окрестностях Оленьей Головы, пугало легковверный трусливый народ, выдавая себя за духа этой горы, было арестовано двадцатого мая с.г. Это оказалась дама, еще молодая, красивая и необычайно образованная. В течение нескольких лет она посещала летом дачу в деревне N. у подножья Оленьей Головы. Мотивы, заставившие деликатную даму заниматься таким, по меньшей мере, весьма странным спортом, не были ею до сих пор открыты. По мнению знатоков, она обладает исключительными способностями к гипнозу и телепатии. Расследование внесет больше света в это дело».

Первой мыслью ликующего Сидэра было помчаться в горы и выкрасть возлюбленную из тюрьмы. Но так как арест произошел уже семнадцать дней назад, он рассудил, что не вредно будет сначала узнать, что с тех пор произошло с арестованной. Еще больше его рвение тормозила мысль об удушении старой Варвары. ...Он раздобыл как можно больше доступных в альпийских странах газет, писал в редакции и даже в суд, где дама находилась в заключении. Ему значительно полегчало.

Но его надежда возросла в связи с огромным новым, важным событием. Только девятого июня он открыл одну из книг, которые в то ужасное утро

взял с собой из своей квартиры, и увидел в ней заложенный портрет Орэи вместе с ее надписью... Сидэр был настолько поражен, что портрет выпал из его руки.

78

– Чудо, или это я сам по совершенно непонятной рассеянности все же вложил его в книгу? Все еще, как и тогда, я готов присягать, что положил его в бумажничек... А что я собственно знаю? Что определенного человек знает? Никогда он с уверенностью не знает, занимается ли греблей на лодке, или катается на коньках, или он неменяем, является жертвой призрака, видения, сомнамбулизма? Наяву или во сне? Здесь я не могу ни в чем с уверенностью присягнуть; человек никогда ничего определенного не узнает, пока дух будет духом, то есть Иллюзией...

Орэа опять была у него!.. Как дивно! Тысячу раз в день он вынимал ее из футляра, проверяя, не исчезла ли она; даже обезьянка не глядит так часто на осколок зеркала, как он смотрел на одухотворенное, опьяняющее лицо и магический почерк. Его надежда на реальность Орэи сменилась полной, почти благой верой, так как он не хотел сомневаться, потому что не смел... В этом он видел свое единственное спасение. Конечно, он не мог полностью побороть скепсис, но наркотизировал его и поставил в зависимое положение от веры. Обретя буйность и почти выздоровев, он снова был способен, как прежде, чувствовать.

– Даже если бы, в крайнем случае, она и оказалась привидением, и это было бы прекрасно.

Но все же полностью еще не поднялась его тяжело раненная, потрясенная и боязливо нерешительная душа. Иначе он тут же, не раздумывая, сразу поехал бы в Кортону. Но надо сказать, что страх оказаться за решеткой больше, чем ужас

перед окончательным решением, мешал ему это сделать. Болезненно колеблясь, он извинялся за свою выжидательную позицию.

* * *

Сообщения о судьбе арестованной не доходили до него. Зато в газете от 14-го июня он прочитал следующую заметку:

«Трагедия матери и дочери. 9 июня в полночь в Кортоне обрушилась на старый, обветшавший дом огромная скала, с незапамятных времен как будто чудом висевшая непосредственно над ним, и раздавила его полностью. В развалинах была найдена в безнадежном состоянии единственная обительница дома, девяностовосьмилетняя женщина, известная всем под прозвищем Варварина Гата. Она испустила дух несколько часов спустя, по милости Божьей исповедовавшись и приняв последнее святое помазание. Отмечаем, что и мать почившей, стотридцатисемилетняя Варвара трагически погибла в том же доме три года назад, задушенная гнусным грабителем, который, к сожалению, до сих пор пойман не был».

79

На следующий день, утром 15 июня, он смело пошел на Скалистую улицу. Солнце светило с чистого неба.

От черного домика остались одни руины. Рабочие разбирали остатки стен, а в мусоре копались двое детей и жена сапожника Даниэля Шкопека.

Сидэр присел неподалеку на траву. Затем подошел к женщине.

– Что стряслось, сударыня?

Она поднялась, закрыла рукой лицо, и полуупав на развалины, обняла колени Сидэра.

– Ваша милость, прекрасный молодой барин. Вы пришли тогда предостеречь нас в последний раз, но мы не послушались! То есть не я, а Шкопек, да будет Бог милостив к его душе, – она расплакалась. – Господь прибрал его...

– Что случилось? – спросил Сидэр ледяным тоном.

– Дом ведь развалился, сударь!

– Какого числа?

80 – Подождите... случилось это в прошлое воскресенье...

– Значит девятого. Как это произошло?

– Ваша милость, я все вам с радостью расскажу... пацаны, чего глазееете, ищите... здесь, ваша милость, должны лежать еще пять пакетов с гвоздями для ботинок, мы нуждаемся в каждой копейке.

Он дал ей крупную банкноту.

– Перестаньте, – он оттолкнул ее губы от своей руки. – Рассказывайте!

– Так вот, в ту ночь я никак не могла уснуть. И вспомнила, что на чердаке у меня белье, а потому что шел дождь, а крыша дырявая, я и пошла за ним туда. Было этак полдвенадцатого. Так вот, иду это я по коридору на втором этаже и вижу под дверью комнаты полоску света – Господи Боже! Я открыла эту дверь... и ваша милость... до сих пор ноги не держат меня: у стола сидели там две прекрасные дамы и красавчик молодой господин, все одетые как чучела, как император Бонапарт. И как раз одна из этих дам, что в голубом платье была, подняла бокал, а в нем была густая пенящаяся кровь. Она чокнулась с теми двумя, у которых в бокалах тоже была кровь, и сказала... Богородица пресвятая, как это я не упала, когда услышала ее голос: «Великая ночь наступила сегодня, еще

ближе тот День. За здоровье все умиротворяющей Смерти! За здоровье Вечного Искупления! За здоровье божественной Немезиды!»

Вторая дама завизжала и чокнулась с нею, а молодой барин чего-то замешкался, но потом тоже чокнулся. И все втроем пили густую кровь.

Не знаю, как я пережила это. А потом пустилась наутек и побежала вниз. «Шкопек! – кричу, – там наверху привидения! Надевай быстро штаны, – говорю, – и беги туда!» Он ворчал, но все же пошел. А я пока молилась, и зубы у меня стучали. А он пришел и говорит: «Дуреха Тереза, ничего там нет, так чего ты, свинья, меня разбудила!» И отлупил меня ремнем, но я даже не почувствовала, так меня все еще трясло от ужаса. А как избил меня, так сразу же улегся и давай храпеть. А я снова встала на колени и молилась. А тут как раз на башне полночь стали отбивать, и вдруг – как будто огромный каменный кулак стал колотить по крыше... – и наш потолок обвалился, и одна балка упала этому язычнику... прости Господи... прямо на голову. Мозги так и брызнули. – Она расплакалась. – Был он социальный демократ и дурак, но упокой Господь его душу!

– Но как могла крыша рухнуть?

– Не знаю, барин. Господин строитель, вон тот – можете спросить его, говорил, что ему это непонятно. Балки, мол, были хороши и никак не иначе, как какая-то скала свалилась на крышу. Пойдите да спросите!

– Нет надобности уже... Можете еще что-нибудь добавить?

– Ну, только то, что, Слава Господу Богу, я осталась жива-здорова. Да и детки тоже. Но, милостивый, благородный господин, как мне, вдове, теперь кормить-поить четырех голодных птенцов? Господи Боже мой...

Сидэр дал ей пачку банкнот, которых вполне хватало для того, чтобы несколько лет беззаботно жить с детьми, и быстро удалился.

Она догнала его и, упав на колени, обняла его за талию.

– Ваша милость, Господи Боже мой, сколько вы подарили мне, ведь это целое состояние!

– Простите, что так мало, ведь это я разрушил ваш дом.

82 – Ваша милость... что... ааа! Ведь вы похожи на того господина, который пил кровь... как две капли... ааа... берите ваши деньги...

– Зачем они *мне*, ха-ха-ха! – захохотал он и поспешно удалился.

– Балбес, дурак! – преследовали его вопли мальчишек.

– Человек ли Она?.. Но что такое человек? Ха-ха-ха! Привидение?.. А я не привидение? Ха-ха-ха! Ничего ни о чем не ведаю. Все человеческое падает, падаю и я; благо мне, что падаю; падение человека – это освобождение Бога... В Альпы!.. Но я сейчас так слаб, так бешено, так беспомощно слаб, трижды слаб... Скоро придет мне конец, это ясно... О небо, или Воля моя, дайте мне силу закончить жизнь не в навозе, а в Сиянии!.. Спать!.. или прямо пулю в лоб? Как отвратительна воля!..

Была почти полночь, а он все бродил по улицам. Сам не зная как, вдруг обнаружил, что опять стоит на Скалистой улице.

– Это предзнаменование! – засмеялся он летаргически. Ой-ой-ой, полнолуние во время солнцестояния, издающее болезненно желтый свет, мне кое-что нашептывает... пойдём туда, туда, там и отоспимся, там пуля из пистолета...

Он вошел в развалины. Пролезал через кучи камней и кирпичей. И среди них увидел что-то голубое, дрожащее – подобие человеческого тела.

Подошел ближе, холодный как смерть. Это была женщина. Она лежала на боку, лицо закрывала ладонями и платком.

– Это Она, – сказал он себе. – Конечно, кто же иной! Настоящая или фантом? У меня есть портрет! – Он сунул руку в карман, но сразу ее вытащил. – Смешные вопросы, к черту все это раз и навсегда! Есть – значит нету, нету – значит есть. Эх!

И он лег рядом с Ней и глядел. Он находился в странном состоянии; не боялся, но все же не отважился с Ней заговорить...

83

– Что этот месяц постоянно нашептывает мне? Это что-то очень важное, но я все еще не понимаю... Аах – что это было? Как будто моя душа повернулась на 360 градусов... Мне стало так легко, и я почувствовал себя таким свободным, мужественным...

И он быстро дотронулся до платка, чтобы сорвать его с лица женщины. Тут же почувствовал электрический удар такой силы, что на некоторое время оцепенел.

– Орэа, – тихо сказал он потом.

Тишина.

– Скажешь наконец хоть что-нибудь?

Тишина.

– Я люблю тебя, я несчастлив, помоги!

Тишина. Но плечи ее вздрагивали все сильнее.

– Разве ты не слышишь, любимая моя?

– Я не смею говорить, – зашумело что-то через мгновение, точно подул ветер.

– Но все же ты заговорила.

– Не надо было...

– Что мне делать? Сжался!

Некоторое время тишина.

– Освободить меня... – гулко отозвалось что-то через некоторое время.

– Сначала ты должна освободить меня. Я слаб и болен. У меня нет мужества для Кортони.

– Ты должен!

– Не могу.

Ее трясло как в лихорадке и вдруг:

– Хорошо, я дам тебе его! Я понесу за это тяжкое наказание, и ты тоже. Ничто так не мстит в вечности, как любое облегчение. Кто облегчает, тот утруждает, кто помогает, вредит. Но мы выдержим. Итак, прими мой поцелуй!

84

Она отбросила платок, и он увидел ее ужасающе прекрасное, прекрасно ужасное лицо, белее и ярче луны на небе. Ее руки обняли его.

– Сидэр мой вечный, – и уста ее коснулись его губ.

Ужасный миг, он чувствовал, что душу его кто-то вырывает из тела как зуб. А затем воспламенился мрак ужаса в сиянии безграничного наслаждения... Он видел еще, как она подалась назад, как защищала белыми, точно снег, руками свое лицо перед его взором – но потом снова стремительно бросилась к нему в объятия. И затем все погрузилось во тьму.

Восток тихо, как дух, побледнел, луна стала стеклянной, когда Сидэр пришел в себя. Он чувствовал себя *совершенно* иным, чем прежде: неизменно сильным, героическим, возвышенным. Поднялся. И только теперь заметил женщину, лежавшую в шаге от него.

Ее голубое платье было точно у последней потаскухи; грудь обнаженная, колени голые. Лицо грубое. Она ужасно храпела, из широко раскрытого рта доходил до его ноздрей запах водки...

– Ха-ха! Как последовательно трудится обезьяний мир, в котором мы живем! Совершенно все равно зачем, никакого значения нет. С глубоким

Бытием, из того, что человеку известно, это не имеет ничего, ничего общего. Человек лишь плавает на поверхности болота, ибо сам собой представляет болото. Вон из болота!.. О, насколько теперь все, что только что сокрушало меня, кажется до смешного легким! Благодарю Тебя, Орэа! Через миг я буду Твоим, богиня святая, через мгновение я стану – Богом!.. Орэа моя, как ничтожен вопрос – человек ты или призрак! Пусть то или иное, для меня оба теперь одно и то же! За Тобой – в Вечность!

85

Проясненный, могучий как восходящее солнце, шел он прямо на вокзал.

В Кортону он приехал 17-го июня пополудни.

Над ним висело сияющее, незапятнанно чистое небо, как необъятное синее солнце, в котором наше мнимое солнце тонет, точно человек в Боге. Устрашающие ряды кортонских гор были из вековечного камня. Гремели мелодии: «Действуй, червяк, делай, что умеешь, а о дальнейшем не заботься, все равно будешь раздавлен, ведь ты просто чуть более крупная бацилла! Но ты все равно этого не понимаешь»!

Такую беседу они вели с ним, и он их, человек несчастный, отчасти понимал; во всяком случае, понимал, что не понимает их, а это здесь, внизу, при всех обстоятельствах самое важное. А правильно ли вообще что-нибудь понимать? И возможно ли это? Понимать для человека равно безумию и смерти. А Сидэр не хотел больше понимать и с горящей душой шагал в дорогой ему, страшный городок.

Внутри него не было обыкновенной человеческой радости, не было веселья. Боль и Ужас владели им, но такие, которые в славном, тяжелом примирении обнимают все веселье и свет мира. Величаво они тянулись через душу, как колонны давно мертвых духовных войск, величественные мелодии – похоронные марши, являющиеся Дифирамбом Возрождения.

Послеобеденное время он провел в гостинице, благополучно написав несколько страниц, в которые пытался вместить всю свою жизнь и душу – свое завещание. Вечером пошел в сад ресторана и там, в темном углу, спокойно и блаженно сидел со своим вином. Теплый благоухающий вечер ласкался к нему и как будто просил: «Не покидай земные соблазны!» Но он смеялся над ним, зная, что Завтра снова будет День, и вечно будут существовать Завтра и Утро.

Свою внешность он изменил как умел, но не от страха.

– Если меня арестуют, а я не освобожу Ее...

Покачиваясь, приближалась к нему огромная фигура.

– Ах, здешний докторишко! – сказал он про себя и отвернулся. Несмотря на это, фигура остановилась перед ним. Было заметно, что милый доктор опять навеселе, но еще не совсем пьян.

– Эй, мы незнакомы?

– Знакомы, – Сидэр засмеялся.

– Черт побери, как вы изменились. Но меня не обманешь. Ваши глаза я узнал бы за десятью зелеными очками. Ха, убийца старой Варвары! – заорал он так, что сидящие вокруг повставали со своих мест. – Наконец я поймал тебя! Эй, полиция, сюда!

Сидэр спокойно снял очки.

– Прости, Орэа, что завтра на горе мы не увидимся. Прости меня за всю эту социальную грязь. Это я в ней виноват. Прости, что я человек... – и он с улыбкой поглядел на доктора.

– Смотрите-ка, он не боится! – разочарованно произнес доктор, взглядываясь в лицо Сидэра. – Ага, вы уже знаете, в чем призналась старая Гата на исповеди!

– Не знаю.

– Эй, – закричал доктор, присаживаясь к Сидэру, – сколько времени мне дожидаться, эй, мальчишка, неси-ка коньячишку!

– Несу, несу, милостивый государь, – официант поставил на стол привычную уже бутылку коньяка.

Доктор опрокинул одним махом четверть литра.

88

– Ах, ах, – облегченно сказал он, погладив свой живот. – Человеку даже при таком ежедневном каторжном труде не дадут смочить губы. – Он повернулся к Сидэру.

– Должен сознаться, что по отношению к вам я действовал немного негуманно – да, как скотина... Но я знал, что вам уже известно об исповеди Гаты.

– Что, старая Варвара не была задушена?

– Чепуха, милый мой! Ведь сама Гата и задушила ее. Да, да, не смотрите так! «Этот господин, – сказала она, – чист как дитя. Когда он убежал, мать стала приходить в себя, а я уже так рада была, что Бог, наконец, прибрал ее, что не выдержала да и согрешила».

– А почему, собственно, она ее задушила? – спросил Сидэр равнодушно.

– Для тебя, дружок, изображающий из себя психолога, это будет довольно интересно. Она призналась, что маму она задушила не потому, что уже давным-давно тяготилась ею, и не из сострадания к ней, потому что не могла больше глядеть на вечно полумертвое существо, и даже не потому, что воображала, что делает доброе дело; даже не из-за наследства. Ведь фактически тридцать пять лет она была хозяйкой дома и всего имущества. Нет: в первую очередь она хотела формаль-

но, юридически стать домовладелицей. Годами, днем и ночью, она мечтала увидеть официальный документ, на котором черным по белому будет написано: Гата, владелица дома номер такой-то.

– Удивительный образчик, – заметил Сидэр, – непредставимой извращенности человеческого характера. Из-за чего-то столь ничтожного не побрезговать убийством матери и обвинить невинного человека в тягчайшем уголовном преступлении. Интересно распорядилась судьба, заставив ее умереть в развалинах собственной конуры.

– Хи-хи, вы дружок, суеверны как набожный здешний народ. Так что ничего больше не бойтесь, дражайший авантюрист, и давайте чокнемся! – И он залпом выпил еще один стакан. – Ах, ах!

– Меня преследуют еще по поводу действительно совершенного правонарушения, а именно насилия над вашим другом психиатром.

– Чепуха. Наше государство не выдает иностранных подданных из-за такой ерунды, как вшивое оглушение. Да и без этого дело закончится каким-нибудь штрафом в сотню монет, раз теперь уже известно, что вы не убийца и не грабитель, а он кретин и подлец. И не смейте сомневаться в этом, иначе будете иметь дело со мной! Да ведь это вы так чудесно разукрасили его морду. Никогда в жизни вы ничего путного не сделали, но за то, что так его расколошматили, Господь Бог простит вам все ваши мерзости. Ведь вы, мой дружок, черт побери, поехали туда только затем, чтобы отомстить за меня! Это у меня, мол, *dementia graesox* – негодяй!

Он встал и стал размахивать руками в сторону невидимого врага.

– А известно ли тебе, братец, что эта расплата сделала из него, бывшего дурака, настоящего балбеса? С тех пор он страдает размягчением моз-

га; вот теперь у него dementia praecox. Он уже не знает разницы между веной и артерией, путает вогнутую и выпуклую линзу, недавно прописал одному дальнотворному психу конвексные стекла, хи-хи! И, кроме того, скотина, стал пьянствовать и позорит своим вечно нетрезвым видом все врачебное сословие. Удивляюсь, как его, негодяя, до сих пор не выгнали.

90

– Ну а вы, доктор, за истекших три года безусловно заслужили почести и признание заслуг.

– Конечно, дружочек; меня назначили медицинским советником и наградили орденом святого Георгия первой степени.

– Вам известно что-нибудь о том, что госпожа Эррата С. бежала из сумасшедшего дома?

– Мальчуган, разве я могу не знать, я!

– Меня не подозревают в ее убийстве?

– Слушай, а ты ненароком не страдаешь манией преследования? Да им всем наплевать на тебя. Ее нашли в пруду сразу за сумасшедшим домом повешенную; вернее, утонувшую.

– Ее личность была установлена?

– Совершенно; ну и балда же ты.

– А какую даму месяц тому назад арестовали, потому что будто бы пугала людей на Оленьей Голлове?

– И это расскажу тебе. Это супруга промышленника, которая в нынешнем году впервые приперлась на дачу на той, другой стороне горы. Молодая, интересная женщина, трое детей, а в голове опилки; не представляет ничего исключительного. Черт его знает, с чего это она дважды пыталась пугать людей на горе; совсем глупо. Понавешала на себя с головы до пяток хвою и мычала там на людей. Вскоре ее поймали. Сначала она утверждала, что это она целыми годами людей пугала,

а потом, когда ей доказана была невозможность этого, с плачем призналась, что, мол, настоящий дух Оленьей Головы ей однажды явился в лесу и приказал, чтобы она вместо него в течение мая месяца сама этим занималась; таким образом, она служила ему удочкой, на которую кто-то неизвестный должен был попасться. Она оказалась совершенно под влиянием этого внушения и даже в тюрьме говорила под этим влиянием. Конечно, ее отпустили.

91

При этом сообщении Сидэр почувствовал лишь слабую дрожь, в то время как еще несколько дней назад известие совершенно уничтожило бы его, означая для него смертный приговор.

– Каково ваше мнение об этом деле? – спросил он холодно.

– Безусловно, кто-то здесь озорничал. Разумеется, не привидение. Или ты, дружок, такой олух, что способен поверить этому? Знаешь, в чем тут было дело? Это был мужик, переодетый женщиной. Сильный, ловкий, лукавый озорник, точно такой же, как ты! У него тоже были гипнотизерские способности к теле-телепатии, теленок ты. И, кроме того, разбирался в науке, знаешь, что это наука, пьянчуга этакий?

Это слово напомнило доктору об обязанностях гостя, и он опорожнил еще один стакан.

– Ах, ах, фокус-покус это был, эс-камо-таж, электричество и фототехника, – он громогласно икнул, воспроизведя звук собачьего лая. – И вообще шумиха, похожая на дурацкий роман «Таинственный замок в Карпатах». В этом романе по зубчатой башне бродит эдакая певица и поет, но она уже давно мертвая, точно такая же совершенно мертвая, как ты совершенная свинья, видишь? И это все была наука. Знаешь, что такое наука?

Наука есть наука! – заорал он благим матом. – А кто ни на йоту не верит в науку, тот будет иметь дело со мной, ты, придурок, баба суеверная... – Он опять схватил стакан, который официант снова налил ему, но опрокинул его, причем даже не заметил этого и продолжал пить из пустого стакана. – Ах, ах!.. – И, вдруг разнежившись: – Я тебя обругал, но я тебя уважаю, я тебя обожаю, свинья, но верь словам мудрого шестидесятилетнего мужчины, отринь все по-попо-поверья, будь попо-позитивным... я бываю иногда скотиной, но всегда знаю, как с кем попо-поговорить. Я – хохо-роший человек, а тот кретин психиатр... что мол у меня dementia pr... pr. Психиатр... чепуха... это никакая не наука. Никакой души нет, есть только материя... мозг... нет никакой психи...хи-хи... следовательно, нету и никакого психиатра, да еще такого негодяя, который ежедневно надирается, к больным ходит пьяный в доску или валится с ног, прежде чем добраться к ним – и такой говорит, что у меня dem... дорогой друг, это больно, до самой смерти это будет терзать мое сердце.

Он положил голову на локти и громко разрыдался.

– Очень приятно было, доктор, мне пора. – Сидэр сжал его плечо и собрался уйти.

– Стой, стой, предатель! – заорал доктор и поднялся.

Сидэр шел дальше.

– Стой! Я любил тебя нежно, стой!

Сидэр обернулся. Доктор мчался на него как разбежавшийся носорог. Сидэр увернулся, доктор свалился бы, если бы Сидэр не подхватил его и рывком не посадил на ближайшую скамейку. Но доктора не тронул этот благородный поступок, он встряхнулся и принялся вопить:

– Ха-ха! Вот теперь я узнал тебя, ты и есть этот психиатр! Ты и только ты. Тот благородный господин, который надавал тебе пощечин, мой лучший друг. Сознawайся, мерзавец! Ты убил всех своих больных, ха-ха, я теперь только знаю – это ты тот самый дух Оленьей Головы, не отпирайся, негодяй, ты тот самый научный шарлатан, ты – этот Таинственный замок в Карпатах, – он снова, бормоча, опустил на скамейку. – Я... я... по-позитивизм...

93

Сидэр не успел еще уйти, как до него донесся громкий храп.

* * *

Сидэр поднялся с кровати после самого прекрасного из всех снов, такого, который проснувшись кажется одновременно и секундой, и вечностью, являясь единственным триумфальным потоком бесконечных алмазных, неземных и все-таки совершенно забытых снов. Верхушки западных гор сияли золотом под восходящим солнцем. Он подошел к окну и распахнул его.

Никогда он не видел небо таким опьяняюще, головокружительно синим и глубоким. Такую полифоническую и блистательную музыку птичьего пения еще не слышал. Никогда раньше на него не мчались такие могучие потоки столь мистических благоуханий. Долго, долго стоял он там, опьяненный небесами. И чем выше и выше возносилось невидимое солнце – это золото, раскалившееся до состояния газа, тем ниже и ниже спускался по бокам западных гигантов мощный, золотой взгляд его; так и мысль – чем выше взлетает к Богу, тем ниже таким же образом спускается в низину и трясину человечества... Как только золотой убор спустился с темени Оленьей Головы почти к ее пяткам, Сидэр вторично проснулся – стоя.

– Как прекрасно здесь; как будто земля сегодня все свои драгоценности собрала в одну кучу и бросила их мне с просьбой: не покидай меня!

94 И действительно – я почти подвергаюсь искушению – прочь, мысль, даже постучаться ко мне сегодня не смей! Смотри, дверь мою ты только пальцем погладила, и я уже немного задрожал... Прочь, уродина, ведь я иду на казнь – фу, фу, какое жуткое было бы продолжение всего этого, если бы я не придушил его в зачатке!.. Любовь к земле – мать всей трусости, единственная ее мать; отважна каждая мысль о Вечности; видеть *sub specie aeternitatis*^{*}, и Храбрость как таковая – совершенно равноценные понятия!..

Он быстро приписал несколько строчек к вчерашним страницам, посмотрел еще на фотографии родителей и некоторые самые дорогие предметы, но со злостью отбросил их и быстро оделся. И возвышенное настроение снова всецело вернулось к нему.

Покончив с этим, он еще раз приблизился к окну.

– Как раз в этой комнате я находился в то потрясающе прекрасное утро, когда, собираясь уехать, увидел там наверху две яркие точки... И тогда был такой же синий и чарующий день... Сегодня я тоже уезжаю, но чуть подальше... Однако – не ошибаюсь ли я? Может, там наверху не случится ничего. Может быть, в конце концов, все это превратится в скучную комедию, как уже в нашем мире вошло в привычку. Увижу ли Ее именно сегодня?.. Это парадоксально, но нет, я чувствую, что моя душа призовет Ее, *обязана* призвать! Она изменилась в заколдованный сад, который непреодолимой

* С точки зрения вечности (*лат.*)

притягательностью тянет к себе всех магических птиц космоса. Нет ни малейшей атомной вибрации, причиной которой не была бы только и только Воля; только тот, у кого ее нет, ищет причины в чем-то другом, в чем-то существующем помимо себя, в «природе», в «боге»... Прощай, комнатка, до скорой Повторной встречи!

Отворачиваясь от окна, он внезапно вздрогнул. Глядел – и постепенно бледнел....

На склоне Оленьей Головы, приблизительно в ста метрах над Кортоной он увидел две точки: голубую и... красную... Схватил бинокль. Да, они двигались вверх очень медленно... бесспорно это были женщины....

– Как тогда!.. Возвышенный ужас Всего... как смертельно мчится на мою душу... неземная Ниагара... Орэа! Но и... Эррата! Открываются гробы. Сама Вечность бросается в мои объятия... только не упасть... Но, может быть, это не Эррата... Ведь пока что это лишь красная точка. Какой смешной может стать моя поспешность... Может быть, и Орэа... А может, прав был вчера этот докторишка. Не исключено, что все это лишь какой-то дьявольский хулиганский фокус-покус. Строго рассуждая, все, все и даже то, что происходило на Скалистой улице, еще можно объяснить естественным путем, хотя, если призвать на помощь наукой одобренные сверхъестественные явления, какими являются внушения, телепатия, галлюцинации и, конечно, также вековечная плановость, финальность во Вседеянии – которое этим самым, конечно, становится Богом... Фу, плюю на все эти по-человечески скотские понятия! Никакого смысла нет в понятии действительность, созданном только нищенской звериной надутостью, следовательно и в его комплементе: иллюзии! – нет:

Феерическое Сверхвеликолепие – это Все! И здесь находится последняя и первая мудрость! Довольно! Орэа, Эррата, иду, иду за вами! Увижу само Солнце там, где до сих пор видел только отблески его отражений...

Первая солнечная искра брызнула над горой, когда он вышел на улицу.

96 – Я хотел еще посмотреть на то, что осталось от дома Варвары... Идти – не идти? Эх, эти точки никуда от меня не убегут, как все женщины, они, убегая, хотят, чтобы я их догнал. Может, там меня ожидает еще что-нибудь важное.

Он остановился перед развалинами. Видимо, никто даже не дотронулся до руин – как будто из страха...

Он бродил среди куч мусора, взбирался на них.

– Ничего особенного, – сделал он вывод, – разве что вот там, видимо, кровь милейшей Гаты. – Он стал спускаться обратно. И внезапно увидел, что из обломка стены торчит проржавевший ящик. Сидэр легко вытащил его – видимо, он лежал в тайнике бывшей стены – и легко раздробил камнем; появилась объемистая тетрадь.

Буквы выцветшие, почерк большей частью неразборчивый, очевидно женский. Язык безусловно романский, для Сидэра почти непонятный. Судя по частым датам в начале отдельных абзацев, это был дневник.

Но почему он так задрожал при виде почерка? Конечно, это был тот же самый почерк, который он видел на оборотной стороне Портрета... Он стал листать и увидел рисунок пером – женское лицо – Ее лицо... И он мистически почувствовал, как будто это он сам ее когда-то нарисовал. И несколько раз прочел совершенно ясно: «Орэа»...

Последняя дата была 18 июня 1820 г. И после этого ни одного слова...

– Сегодня тоже 18 июня, а год 1920, – задрожал он. – 18-е июня... ах да, вспоминаю. Этот день древние греки посвятили богине Немезиде. Я читал книгу одного историка, где было написано: «Это день, когда два самых высокопоставленных полководца новой эры на своей шкуре испытали когти Фортуны – знатный Гогенцоллерн под Кельном и блестящий Бонапарт под Ватерлоо». А я? Значит... все-таки!.. Какой кошмар!..

97

На этот раз он впервые почувствовал настоящий страх, даже ужас.

– Разве я в глубине души все еще надеялся, что этого не случится? То, что я желал, чтобы это случилось, было только обманом?

Машинально он посмотрел на Оленью Голову с темной надеждой, что страшные пятна больше не увидит. Увидел снова, но несколько выше....

– Прочь, мерзкие мысли! – вскричал он, отшвырнул тетрадь и быстро поспешил прочь, направляя все силы, чтобы вернуть прежнее возвышенное настроение. Это ему удалось.

– Однако, – чувствовал он все-таки, – там наверху меня ждут еще лютые сражения! Но пускай! Тем лучше! Как подло желать достижения великой цели дешевым путем, не испытав последней возвышенной Победы!

Он прошел через сад ресторана в лес и стал быстро подниматься. Очутился на поляне. Там стояла хата. Как раз пристав выводил из ворот корову, которой молодая женщина, окруженная детьми, целовала морду, поливая ее слезами.

– Сколько она должна? – Сидэр заплатил долг и еще отдал женщине до последней копейки все, что у него было: несколько тысяч дукатов. И побежал

наверх с такой прытью, что осчастливленная женщина могла достичь его только лишь возгласами:

– Добрый барин, дай вам Бог еще сто годков прожить на белом свете!

98 – Я сделал это очевидно для того, чтобы сжечь за собой даже этот маленький финансовый мост! Нет, в случае, если все же это окажется лишь комедией, проще простого будет выбраться отсюда, а дома, так как в глазах тех людей я уже перестал быть негодяем, у меня недвижимого имущества еще достаточно... Но я не хочу «Жизни», я хочу Вечности. Сто лет жизни она мне пожелала, ха-ха! Какие скромные люди! Если у меня не будет Вечности, я не хочу ничего!

Он вышел из леса посреди скал. И наверху, на огромной высоте, опять увидел жуткие пятна, теперь уже увеличившиеся – как тогда. Впервые отдохнул, но это было лишнее; возвышенность души дарует крылья телу. Беда сегодняшнему аэропланному, костыльному человечеству, которое этого не понимает.

И он поднимался все выше и выше. Пятна приближались – исчезали – снова появлялись – совершенно так же, как тогда.

– Что это, я вернулся на 15 лет назад? Может, я читал когда-то сказку, похожую на эту явь? Действительно любопытно, помчится ли красная опретью вниз.

И снова увидел их, отдыхающих уже недалеко от ледника. И отдохнул тоже. Затем они втроем стали постепенно подниматься.

Все в ущелье уменьшалось и становилось как будто игрушечным. Кортон превратилась в несколько точно прутиком на песке нарисованных и перекрещивающихся линий. И тело, и дух Сидэра поднимались все выше над землей. Он же чувствовал себя самой Величием и Вечным

Волшебством, как будто другой мир – Мир-Чудо, к которому он приближался как к солнцу, освещал его душу своими гремящими Сияниями.

На перекрестке он повернул налево. Постоянно глядел в сторону, не увидит ли бегущую... И тут же услышал шаги над собой – прямо на него мчалась Эррата.

Он испугался только слегка. Но она уже стояла перед ним – молодая и прекрасная как тогда – та самая, которая тлела там далеко под скалистой могилой в кожаном гробике. И упала в его объятия и... поцелуй...

Однако это как будто сразу выпило всю его силу...

Она отступила.

– Иди, любимый, иди еще выше! А потом – вниз! а потом – в Высоты! Будь силен! Боль будет коротка, а радость вечна. Очисти себя от земного болота! Только оно в Тебе согрешило, только оно грешит. Не поддавайся, собери всю силу и последнюю отвагу! До свидания сейчас – сейчас же...

– Подожди! – Он схватил ее за плечо, хотя возвышенный и одновременно полный страха озноб сжигал все силы его тела.

– Где ты теперь? В сиянии, или темноте? В аду или на небесах?

– Сейчас, сейчас узнаешь! – И повелительно указывая рукой наверх, она быстро стала спускаться. И когда через несколько мгновений Сидэр оцепеневшим взглядом посмотрел ей вслед, ее уже не было видно...

– Страшно возвышенное, – застучали его зубы. – Это сверх сил человека. Я чувствую себя сразу таким слабым. Возвышенность последних дней как будто спала с меня как простая одежда, и сейчас здесь ползет несчастный голый человек... Божественность – это чужая, по милости сверху

упавшая и на маленькой душе не держащаяся одежда. Как хорошо, что по милости, которая на меня, недостойного, пала твоим поцелуем, Орэа, я вовремя покину свое тело и эту мерзкую душу свою, прежде чем ее снова зальет старое болото человечества. Вовремя? А не поздно уже? Я теперь так слаб, так слаб, такой истощенный, спаленный огнем, который ты во мне воспламенила... О, дай слабому силу совершить последний шаг, последний божественный Прыжок!

Он медленно приближался к вершине, не переставая жестоко бороться с собой.

– Но, может быть, права была вчера эта добрая скотинка. И эта Эррата могла быть только галлюцинацией, неизвестной, дьявольски обманчивой силой, привитой моей душе. И Орэа сама... Может быть, наступает уже развязка комедии.

– Фу, фу! Все безразлично, только не героизм. Тебя, Орэа, там наверху сжать в объятьях за любую цену, даже за цену смерти! Ни о чем другом мне теперь нельзя думать! О, до чего смешно все земное...

Он значительно успокоился и снова ожил, когда оказался на ледниковой площадке. Небо все время было безоблачным, не двигался ни воздух, ни звук. Слава Смерти окутала все вокруг.

А там, всего в двухстах метрах – Она – как небо голубая, у подножья этого подобного башне ужасного скалистого конуса. Раскрыла объятья и скрылась за глыбами.

– Опять туда, опять туда, – шептал он, побледнев как мел.

– Но ведь я давно знал, что именно так и будет. Ну, что же, главная битва жизни начинается. Победить! Только и только победить на все века вечные!

Он поглядел на небо и твердым шагом дошел до самого ужасающего конуса.

Стал подниматься. Но уже через несколько шагов почувствовал, что его ноги заметно дрожат и слабеют.

– Естественно, после такого восхождения. – Но быстро, после ужасной дрожи, волнообразно метавшихся мыслей, он увидел, что причина скрывается не здесь: это была таинственная, быстро мчавшаяся над горизонтом гроза в подсознании, заявлявшая о себе сначала физически. Ему пришлось сесть. А потом наступило извержение вулкана. Кошмарный Ужас: ужас перед *Пропастью*, ужас перед смертью, ужас перед Чудовищностью Всего, ужас перед Орэей, ужас перед *Пропастью* вырвался из глубины и залил всю его душу...

101

– Это конец... я не сделаю этого, – почувствовал он и застонал в ужасающем отчаянии. – Не могу! Но должен. Но не могу. Но должен. Что может быть страшнее?

Он с мольбой посмотрел на небо. Высоко над ним мелькнула голубая фигура и исчезла за скалой.

– Я пойду туда, до того самого места, а потом посмотрим, – решил он и с трудом начал подниматься все выше и выше... Это продолжалось целую вечность. – Я иду на собственную казнь, я казню себя собственными руками. Как бесконечно мерзко я обещен. Я должен сам себя наказать – что может быть унижительнее этого? Какой же я бездонный негодяй, если такое возможно! Как мерзок мир, в котором вообще возможно самоубийство! – Все это постоянно гулко звучало в его душе.

– Однако, – подбадривал он себя, – может быть, это не будет самоубийство, может, прыжок удасться, может, тропу восстановили, может, прыгать

вообще не понадобится, может, на месте, где зияла раньше ее пропасть, кинется со смехом в мои объятия эта проклятая мадам Калиостро.

Он добрался до того страшного скалистого утеса, набрав в себя воздуху, подождал немного и обошел его.

102 Прорва не исчезла; наоборот, расширилась. Перепрыгнуть ее не было вовсе невозможно, но шансы успеха к шансам гибели были равны 1:99... Невольно он посмотрел вниз и, если бы не ухватился за утес, то рухнул бы.

Довольно долго он стоял, не решаясь отпустить скалу. И в эту секунду он увидел за прорвой – Ее. Не более двадцати шагов их разделяло, и она стояла, голая, раскрыв объятия. В сиянии высокогорного солнца ее тело ослепительно блестело, светило все сильнее как вспышка магния, светило собственным светом, горело вторым солнцем...

Сидэр не ведал и не мог ведать, что с ним творилось... Слепо и тупо он отступил на несколько шагов, разбежался... но, не добежав до края пропасти, остановился как вкопанный и ухватился за скалу.

- Не могу, не могу, прости меня, Орэа!
- А я смогла, – загудел ветер...
- Не понимаю... Помоги мне!
- Теперь ты сам должен!
- Не могу. Смилуйся!
- Смилуйся! Освободи меня!
- Где ты? Ты – отвергнутая?
- Я всюду отвергнутая, где нет тебя.
- Что мне делать?
- Освободись!
- От чего?
- От себя – Себя! От человекобога!
- Ох, ох, Орэа... ну что же...

Он подошел к пропасти... зашатался и снова ухватился за утес. Не могу, не могу...

Раздался длительный стон, похожий скорее на полуночное завывание ветра, чем на человеческий голос. И как будто кто-то задул пламя свечи, солнечный образ исчез.

Почти лишившись сознания, уселся Сидэр на тропу... Сидел так долго... Тихонько, почти неслышно, как будто во сне доносился сюда серебряный звон с колокольни в Кортоне, возвещающий полдень...

103

– Решено, – зашептал, наконец, Сидэр, – я не умру. Ох, какая тяжесть свалилась с меня... Я сразу чувствую себя таким легким и таким храбрым...

Но какая-то другая тяжесть свалилась на меня! Я чувствую себя таким тяжелым и таким мерзким... Смерти я избежал, но еще смертоноснее, чем сама смерть, будет мое будущее. Но... может, все-таки не будет. Может, это самообман. Прочь все! Природа, ты прекрасна, жизнь, хотя ты и низкая, но только в тебе я уверен и обнимаю тебя!

Он раскрыл объятия и почувствовал, что далекие каменные волны альпийского моря как будто поднимались и валились на него, анимальная жизнерадостность человека, избежавшего смерти, преобладала надо всем и отгоняла его недавнюю подавленность и все ужасы. И, может быть, не менее этого подействовал и физический отдых.

Однако, как часто все на этом свете меняется на полную противоположность...

– Когда я гляжу на все это теперь, – продолжал он свой монолог, – как все это комично до мерзости. Например, прыжок через эту дыру – какое ребячество! В чем его единственный глубокий смысл? Скинуть с себя все земное – призвать смерть, самоубийство. Но ведь прыжок мог, несмотря ни на что, удасться. Следовательно, получа-

ется половинчатое самоубийство, половинчатый героизм. Комедия! Не прыжок на эту тропу – прыжок прямо в пропасть – вот это последовательно – вернее, это было бы последовательным.

Он слегка задрожал, почувствовав трусость этой поправки; до него дошло, что это ужасное, конечное, снова стучится в его дверь... И это комедия! Прочь! Жить, жить!

104 – Умирать, умирать! – услышал он эхо, отразившееся от самого близкого из Оленьих рогов.

Было, однако, вполне естественно, что Возвышенное, переполнявшее последние дни его душу, не могло навсегда улечься и теперь снова в нее, открытую и освеженную, лилось рекой...

– Умирать, умирать! – зашептал он через некоторое время. – Как это все-таки прекрасно и героично... И какая гнусная, пошлая, низкая жизнь... Живет каждое паршивое насекомое. Иметь возможность с Божественным Произволом в любое время умереть в сиянии – вот наивысший дар богов человеку. Жить бесчестным перед самим собой... умереть в долголетнем безумии как... Эррата... Эррата сладкая, твои слова: «Боль будет коротка, а радость вечна, не поддавайся, собери всю силу и последнюю отвагу... Оох...»

Он вскочил, глаза его дико горели.

– Я собака? – воскликнул он. – Как подло это было – но это можно отмыть: слава Богу, ко мне вернулась прежняя сила!

Звон из глубин как раз затих. Сидэр подошел к пропасти. Снова еще немного задрожал, сделал шаг назад.

– Сидэр, будь Богом! – прозвучал снизу нечеловеческий голос.

Он посмотрел вниз. Там, глубоко на дне пропасти сияла опять, как оторванный кусок солнца, нагая фигура, раскрывая огненные объятия.

В последний страшный размах умирающего тигра превратилась душа Сидэра.

– Какое низкое, зловонное все земное! Какой бездонный позор всех позоров бояться чего угодно! Настал момент показать, что я не только атом навоза!

Мышцы его ног напряглись, готовясь к прыжку, еще коротко дернулась побежденная анимальность, но рядом молниеносно напряглась Воля, приказывающая: *да свершится!* Воля, которая того, кто владеет ею, делает способным на любой поступок, готовым ко всему.

И héros бросился в пропасть.

...и сразу ...как будто из души был выметен весь остаток земной мути! В ней не дефилировала, как бывает у падающих, вся история кончающейся жизни – все сияния наступающей вечности воспламенились в ней. Он совершенно не чувствовал, что, пролетев приблизительно 15 метров, наткнулся ребрами на выступ скалы; упав еще на 15 метров ниже, не почувствовал, как ломаются кости его ног, а также страшный удар в голову. Благодаря Сиянию он не видел, как кувырком катится еще несколько метров глубже в щель скалы. И здесь сразу погасло Сияние.

* * *

Ему оказана была Милость, он пришелеще раз в земное сознание.

Вокруг, очень близко, стены скал. Только в стороне, наверху, клочок неба... Он лежал в темном, узком гроте.

Он почти не чувствовал боли, как будто был под наркозом. Ему казалось только, что вообще-то всё-всё у него должно болеть и действительно бо-

лит, но где-то вне его, а где – он не чувствовал. Он посмотрел на руки, ноги – кровь; и кончик носа – кровь. Ему чудилось, будто он сам от себя с гулом убегает.

– Только потому я очнулся от Смерти, – понимал он, – чтобы лучше наблюдать за ней не Ее, а земными еще глазами. Благодарю тебе, Таната! Единственное, что в жизни интересно – это смерть. Подойди, подруга моя, я приветствую Тебя с ликованием: потому что я правильно жил, потому что героически умираю.

106

Он ждал и почти стал скучать.

– Беда, если Божье Безразличие представляет собой скуку... Да нет! Та является лишь порождением человеческого убожества. Безразличие – то, наверху – что это? Только Божье Сияние.

Среди камней вокруг себя он увидел нечто, не бывшее камнем.

– Кости, почти истлевшие, – произнес он и, напрягая все силы, коснулся одной из них. – Остатки черепа... человеческого... и, безусловно, женского. Мало осталось от него, хотя этот грот защищен от дождя, снега, жары, ветров, солнца. Наверное, он находится тут очень долго... – Он поцеловал череп. – Зачем я это сделал? Это было так естественно, я ведь это знал, но это уже кануло в темноту. А здесь второй череп, покрупнее: безусловно, мужской.

Он коснулся его и сразу отдернул руку.

– Что это, такое странное, безумно и навеки ужасное, потрясло меня, Безразличного?.. Ах! Я знаю: я почувствовал, что дотрагиваюсь пальцами до *своего собственного черепа!* Страшнейшая мысль, не сойти от нее с ума может... только умирающий... Однако все это чепуха, всего лишь комические ассоциации идей в агонии... Но что это блестит желтым блеском среди костей?

Он поднял золотой медальон с миниатюрным портретом за стеклышком.

– Ох, Орэа! Та самая, которая, увеличенная, лежит здесь, у меня на сердце. Я даже вижу здесь маленькие золотые буквы: «Моя Орэа». Мой почерк – или что это такое опять – но все снова уплыло... А-а-х!..

И бедное его сознание улетело туда, где все известно...

И когда оно снова вернулось, он внезапно знал все. Собственно, не оно вернулось к нему – как абсурдны все попытки человека выразиться и мыслить! – но Он, мистерия Я, влетел чудом, расцветая только раз за несколько столетий, в царство другого сознания, Другого Я. Но об этом, самом важном, человечество, несмотря на всевозможные свои метафизические спекуляции, совершенно не думало, – так уж бывает: как оно не думает о смерти и о Возвышенном, и о Красоте, и о Легкости, и о Бесспорности... Человечество больше всего боялось разбудить грозного дракона, на котором оно спит, а на самом деле он и есть единственный Архангел-спаситель.

Что бесспорно известно во Сне и Смерти, то он знал теперь в страшном воссоединении невозможного наяву... А во Сне и Смерти известно, что было перед «рождением», что было Вчера; но человек знает только, что было вчера; и даже этого не знает. А для Сидэра воссоединились чудодейственно жизнь вчерашняя с жизнью сегодняшней в одно единое целое, в единственный день Жизни; прозрачным стал радиово-железный занавес смерти.

Он увидел себя молодым прекрасным вельможей, влюбившимся в очаровательную девушку из дворянского рода, восемнадцатилетнюю

Орзу. А она воспылала к нему в десять раз более сильной любовью. Никогда женщина не любила сильнее. Ее страсть была настолько сильна, что полностью изменила ее, превратив из тигрицы в самую послушную собачку. Она бежала с ним из отцовского дома. Они странствовали по белу свету. Однако его любовь скоро охладела. Правда, он чувствовал, что был способен любить ее всем сердцем, но эгоизм, разнообразные страсти и пороки, капризы, свойственные бесхарактерности, и необузданность его грязной души помогли любви пасть на самое дно... Он постоянно Орзу мучил; сначала только из любовного садизма, позднее из любовной ненависти, потом из обыкновенной жестокости, затем из простой ненависти, позднее из брезгливости, а также по привычке. А она, трогательно до самого конца видевшая во всем этом только любовь и будучи, в конце концов, как все женщины, мазохисткой, переносила все это более или менее с наслаждением: злые слова, то, что он поносил ее, бил и держал под замком, жег огнем и подвергал еще более изощренным мучениям.

Наконец, спустя три года, они поселились в Кортоне, в домике Варвары, тогда тридцатидевятилетней бывшей кормилицы Орзи, которая любила ее как собственную дочь. Одновременно с ними поселилась там и сестра Орзи, тоже красивая и интересная девушка, хотя во всем она являлась только менее яркой копией Орзи; она, тоже безумно влюбленная в Сидэра, бегала за ним и старалась отбить его у сестры. Он тоже в нее влюбился; впрочем, как в каждую оболстительную женщину. Они боялись тигриного гнева Орзи, если она догадается, что нелюбима и отринута, и порешили убрать ее с дороги. Однако со стороны Сидэра это был не только расчет: и садизм наи-

высшей степени, желание авантюриста убивать, и именно то, к чему когда-то, в глубине души, у него было самое большое тяготение: это была так называемая извращенность в сочетании с низостью и дикостью слабовольного человека. Он знал, что прямо над домом нависает глыба, которую легко, без особого труда, можно сдвинуть. Однажды темной ночью он проделал эту работу, так что теперь достаточно было сильно толкнуть глыбу... Вскоре он сделал это – в полночь, заранее приказав Эррате переночевать в другом месте. Провалилась крыша, а также потолок во втором этаже. Сбежав вниз, он нашел Орэу без сознания в крови, ноги были переломаны, лицо изуродовано. Но она осталась жива, с перебитым носом. Ему было жаль ее, но еще сильнее было его отвращение к ней.

«Что не удалось, во что бы то ни стало должно удалиться в следующий раз!» – так он решил и придумал план, ведущий совершенно безопасным путем для него к цели, и оттого самый мерзкий, трусливый, низкий и страшный. Он знал, что Орэа безропотно его слушается, постоянно веруя в его любовь – особенно после того, как ее лицо было изувечено. Восемнадцатого июня он приказал ей взобраться вместе с ним на вершину Оленьей Головы. Эррату он тоже взял с собой, чтобы, в крайнем случае, иметь свидетеля в свою пользу. Побоями он заставил Орэу, до сих пор не поправившуюся и хромающую, добраться до площадки ледника – и погнал ее дальше на самый высокий из Оленьих рогов. Он перепрыгнул через место, где тропа была прервана – тогда еще дыра была не такой широкой – и приказал:

– Следуй за мной!

– Любимый, ты обезумел? Ведь я не могу даже стоять, а не то что прыгнуть так далеко.

– Ты много раз говорила мне, что всюду, везде пойдешь за мной! Изволь держать слово!

– Разве ты хочешь моей смерти, дорогой мой?

– Бесчисленное количество раз ты уверяла меня, что по моему приказу готова пойти и на смерть! Так вот: здесь место, где ты можешь доказать, что ты не пустомеля и лгунья. Ну – прыгай! Если прыгнешь, я буду тебя в два раза больше любить. А не прыгнешь, знай, что с таким трусливым созданием я сейчас разговариваю в последний раз!

Она ужасно зарыдала – ох, как она дрожала! Она не могла перепрыгнуть даже канавку шириной в полметра... Как она боялась смерти – но лишь потому, что та разлучит ее с любимым!.. И все-таки, совершенно неожиданно – она прыгнула.

– Орэа, не прыгай, – заорала в этот миг Эррата, еще пытаясь схватить ее за падающие уже колени. Еще немного, и она тоже сорвалась бы в пропасть... Этот ужасный треск когда-то такого сладкого тела там внизу...

– Я люблю ее так же, как вначале, – почувствовал в эту секунду Сидэр, – даже еще больше!.. Это я упал в пропасть, в бездонное страдание, здесь и в вечности я самый отвратительный мерзавец! Орэа, ты не мертва, правда?

Но всюду была тишина, нарушаемая только безумным, тихим плачем Эрраты.

– Орэа, притяни меня к себе – как можно страшнее я хочу смыть с себя вину свою!

Но всюду была тишина – как вдруг до него донесся безумный рев – и одновременно Сидэр почувствовал сильный удар в спину.

– Негодяй, самый мерзкий из всех, – услышал он, падая в пропасть, слова Эрраты и осознал еще,

что упал в расщелину прямо на неподвижное тело Орэи. А потом все окуталось какими-то гулками, раскатистыми, казалось, бесконечность поглощающими снами...

Однако нет такого романа, написанного или пережитого, который не требовал бы продолжения. Продолжения бесконечного...

Это все знал теперь другой умирающий Сидэр, как знает человек, что он делал вчера. Но он начал видеть гораздо больше: все прежние жизни, свои и чужие, и понимать, что все чужие жизни являются только и только Его жизнями, Его единственного, Его – Всего; он видел, что, «убив» Орэу, он убил себя, но не Себя. И увидел Вечность, перешедшую – бесконечно высоко над всеми человеческими понятиями – в Свое собственное Божье Я, в Свой собственный Вековечный Ореол... И все более могучим и страшным пламенем начал гореть тесный грот, его каменный гроб. Пламя поглотило синеватое пятно наверху. Загорелись истлевшие кости, и новой неподвижной звездой взлетел вверх, в Новый Фирманент золотой медальон. И между волнами мутно-пестрых огней тонко и нежно появился пламень белее солнца – фигура Женщины! Орэа сама в небесной славе! И он чувствовал еще в урагане Вечного Света, что так бесконечно любит Ее потому, что Она уготовила ему такую страшную и прекрасную судьбу; и что он любит Ее потому, что он уготовил Ей такую же судьбу; и что Она любит его так потому, что он уготовил им обоим такую Божественную Судьбу... И что наивысшее Счастье – это лежать здесь, с переломанными костями, рядом с самой Любимой, кости которой он переломал.

Он поднялся, вспыхнул, взметнулся вверх, превратившись в Вечный Пламень. И пламень Его и Ее

слились в один единственный, горящий пламень над всеми солнцами этой больной вселенной.

И другой мощный световой ветер окутал их Двуединство, и сладко мигало в нем лицо мило- стиво спасенной Эрраты, слезами превращенное в диадему, Улыбкой Вечности обращенную в оре- ол; и стали они Триединством. И все бесконеч- ные виды света вокруг вливались в Нее. В Сиянии рассеялось исчезнувшее Земное, в Блаженство расплавилось ослепительно белое Страдание и в сверхсветовом, сверхзвуковом Марше Вечной По- беды все вновь возродилось.

Тот день прошел без особых приключений. Началось все ближе к ночи.

В семь часов вечера я сидел в столовой гостиницы «У Серебряного солнца» в уездном городе Й. и попивал там уже с двух часов пополудни, в половине девятого я предполагал уехать на поезде в областной город Е., где у меня имеются процветающий большой магазин с мануфактурой и новый пятиэтажный дом. За мною сидели шумно веселившиеся крестьяне. Один из них рассказывал, как ловил полевого вора. Я его почти не слушал, но вдруг несколько слов остро задели мой слух:

– И обошел я полей пять.

В них таится нечто забавное, комичное; чего-нибудь устрашающего в них, пожалуй, никто бы не нашел.

И все же на мгновение во мне взметнулся страннейший, очень темный, но сильный ужас, вызывающий предчувствие чего-то немислимо кошмарного. Вообще-то моя душа коммерсанта недирективно представляет себе, что комичность и кошмарность – сестры, изнанка и лицевая сторона одной и той же вещи: что корни всего ужаса таятся в мистерии комичности и наоборот, что в самой глубочайшей глубине смешным является

только ужас и только каждый страх; что мир – лишь бесконечно глубокий и феерически страшный гротеск.

Вскоре я забыл об этом. Через четверть часа я вышел во дворик. Возвращаясь, останавливаюсь, гляжу на звезды. И вдруг прямо в уши что-то ясно зашипело: «Обошел я полей пять», мои ноги подкосились, и я потерял сознание.

114

Что было потом, помню лишь неясно, фрагментами. Знаю только, что вскоре я поднялся и, шатаясь, вернулся в столовую. Там еще примерно полчаса пил и затем на омнибусе уехал на вокзал. Все это время я находился как будто в полусне, почти забыл про эти слова, но все же временами во мне слабо, очень слабенько, но, тем не менее, весьма тревожно поблескивали огоньки ужаса. В поезде они исчезли, и я впал в полусознательное состояние. Помню только, как дома, в магазине, я поцеловал жену – и потом уткнулся в подушки.

И как, засыпая, откуда-то из угла услышал стон своего собственного голоса где-то вне меня...

Когда этот сон начался, не знаю. *Ох, узнаю ли это когда-нибудь?*

Я брел по невыразимо тоскливой, бугристой, местами лесистой местности, над которой густые тучи темно-желтого, до сих пор мною не виданного цвета, образовали небосвод, похожий на свод склепа. Поздняя осень, смерть, всюду смерть. Полумертвая, порыжевшая, мокрая трава клонилась к болотистой земле; трупы засохших стеблей, гальванизированные ветерком, шептали свои по-смертные сновидения. Цветочки, расцветшие ко дню поминовения усопших, постепенно умирающие, просили желтое небо послать им быструю гибель; мертвечиной отдавал могильный перегной полей. Желтый ужас шел со мной и усиливался все больше и больше. Все пугало меня, все, на что бы я

ни посмотрел, таинственно меня отторгало. «Несчастный, несчастный! – разговаривали со мной травы и комки земли, леса и тучи. – Чего ты еще здесь ищешь? Ведь ты видишь, что все тебя гонит прочь от себя, а ты не понимаешь, что тебе больше нет здесь места? Смерть сидит в тебе, и ничто ее не изгонит!» Каждую минуту я ждал прихода ужасного, устрашающего, последнего. И оно пришло! Из леса, находящегося в стороне, примерно в шестистах шагах от меня, вышел мужчина и медленно направился ко мне. Я сразу понял, что он и есть тот ужасный, последний, и в диком страхе бросился бежать. Устав, я остановился и оглянулся. Он шел так же медленно, но теперь расстояние между нами сократилось до пятисот шагов. Я продолжал бежать, иногда оглядываясь; он, хотя и шел столь же неторопливо, постоянно приближался. Теперь он находился в трехстах шагах от меня.

– Все пропало! – подумал я, плача и чувствуя, что вот-вот упаду, но тут, обогнув маленький холмик, увидел перед собой, в двухстах пятидесяти шагах, здание с надписью «Гостиница». – Спасен! – заплакал я, – он не успеет меня догнать прежде, чем я туда дойду, а среди добрых людей чудовище утратит всякую власть надо мною! – Я снова пустился бежать, в то время как враг исчез с моих глаз за холмом. Добегаю до цели, прохожу мимо густой живой изгороди, окружающей садик. И вдруг из-за нее вышел он и преградил мне дорогу. Лицо совершенно обыкновенное. Одет в бархатную клетчатую коричнево-черную поношенную одежду. Поднес руки к лицу, пальцы переплел и, вкруговую вращая большими пальцами, промолвил медленно и непринужденно:

– Обошел я полей пять.

Взрыв ужаса, перед которым устоять невозможно...

Странный, почти белоснежный свет. Небольшая элегантная комната, я в ней на батистовых подушках. Хрустальное, таинственное сияние утреннего солнца не позволяет усомниться в том, что сейчас еще далеко до полудня. Все как-то открыто, гулко дребезжит и благоухает. Будто я нахожусь в середине огромного стеклянного шара, погруженный в приятное, ароматное ванильное мороженое. Но самое существенное из всего этого не смог бы выразить даже величайший поэт, а не то что я – несчастный лавочник Матиаш Лебермайер!

Долго лежал я, чувствуя себя замечательно. Все, что случилось прежде, позабылось; правда, я знал, что где-то в душе что-то спит и нетрудно расшевелить его, но это не стоило моего труда. Прошлое казалось мне легким, ничтожным сном. Наконец, я задал себе вопрос: «Где я нахожусь? И что все это значит?»

По разным признакам я догадался, что лежу в номере гостиницы. Звоню. Вскоре с поклоном вошел слуга. Я испугался его. Он показался мне силуэтом какого-то чудовища, хотя это был красивый, краснощекий мужик в отличном фраке из тонкого полотна.

– Человек, где я нахожусь? – набрасываюсь я на него энергично.

– У нас в гостинице, с вашего позволения. «У Серебряного солнца», ваше благородие.

– «У Серебряного солнца»? – Во мне всколыхнулось довольно ясное, но странное воспоминание. – А как я сюда попал? Ведь – ведь... ага! Но ведь вчера вечером я уехал в Е. и ночевал дома у жены!

– Никак нет, с вашего позволения, это вашему благородию только приснилось. Мы позволили себе, видя, что вы благородный господин, который

заплатит, поместить ваше благородие в номер, когда вы во дворике упали и остались лежать.

– Во дворике... подождите... ага... я там упал в обморок, потому что во мне проснулось ужасное чувство... «обошел я полей пять»...

– Никаких пять полей ваше благородие не обходили. Из столовой до писсуара требуется сделать шагов этак тридцать, и никаких полей там нет.

– Тогда почему я там свалился, человек, а? – закричал я почти с гневом.

– Потому что, прошу прощения, двадцать пять отметок на пивном подстаканнике и восемь сливовиц – это совсем не мелочь.

– Да это совсем не то было... Балбес, я ведь знаю, что сам поднялся и еще целый час пил в столовой.

– Я не балбес, ваша милость, это скорее кто-то иной... я всегда трезвый! Я сам поднял ваше благородие и вместе с другими отнес по лестнице сюда, это была не шутка, ведь в вашем благородии весу точных два центнера, и за это человек заслуживает благодарность. Как только ваше благородие изволило лечь, так сразу и захрапело!

– Неужели мне все это только приснилось? И ночью... Господи помилуй, нельзя об этом думать. Но вернее всего так и будет... Ну, слава Богу, что не хуже было... Теперь я все вижу наяву... Но может ли это быть явью? Такого со мной не случилось... Нет, это все еще сон.

– Нет, не сон, ваше благородие, даю вам честное слово.

– Что значит твое честное слово, если ты мне только снишься! Скажи, татарин, видал ты когда-нибудь такой свет? Такой стеклянный, глубокий, ароматный как мороженое?

– Свет такой, как каждый день бывает. Может я и татарин, но на ногах держусь твердо. Если че-

ловек способен столько выпить, то на следующий день у него все удвоится в глазах...

– Ах, вероятно, так и будет... Да, иначе быть не может... Но как это странно и страшно...

– Принести вам черный кофе? Он вылечит желудок. А желудок вылечит мозги...

– Принеси и оставь меня!

Он ушел. Воспоминания хлынули в мою душу... только одного места в них я избегал. Однако другого выхода не было. Вдруг появился в них мужчина в клетчатом черно-коричневом пальто и, вертя пальцами, флегматично произнес: «Обошел я полей пять». И несчастное мое сознание, как от удара дубиной по голове, покинуло меня...

118

* * *

Снова та же комната. Только солнечный свет помутнел, хотя дневное светило находилось почти в зените. Помутнело и мое сознание. Безразличие и смятение овладело им. Я не мог ничего вспомнить, не мог ни о чем думать; как животное, я занимался только настоящим и окружавшими меня предметами: обследовал материал, из которого сделаны белье, занавески, ковры, рассматривал приборы в шкафу и, наконец, умылся и оделся. При этом я заметил много интересного; например, вдруг вижу, как из кончиков всех моих пальцев вырастают стебельки, и на них качаются детские головки. Меня это несколько не удивило, и я нашел, что это так и должно быть. Вы думаете, что я с ума сходил или видел галлюцинации? Не торопитесь! В доме была устрашающая тишина; а с улицы время от времени гулко раздавались шаги, странные – как в полночь.

– Пойду прогуляюсь! – решил я внезапно. Вон из этого дома, источника всех моих несчастий. На

воздухе сразу поправлюсь. Следовало бы сначала рассчитаться, но я платить не буду! Ни за что! Я вообще не заплачу, вот еще, с какой стати платить! У меня здесь в чемодане несколько тысяч, но я и не подумаю отдавать деньги. Надо только словчить и выбраться из дома...

Тихонько, как кошка, я крался по темному коридору... Счастливо спустился в коридор на первом этаже, и тут мне пришлось пройти мимо открытой кухни. Оттуда раздавались женские голоса. Я остановился и слышу:

– Спит ли еще этот старый хрен?

– Еще спит. Или притворяется, чтобы улизнуть, не заплатив.

– Это вполне возможно. Держите ухо востро, девчата!

– Как ему не стыдно, старый дед, пятьдесят пять лет ему, не меньше, с обручальным кольцом, а так нализался.

Я окаменел. Они подозревают меня. Как проскользнуть мимо кухни? Ничего не остается: надо сделаться очень маленьким. Я быстро встал на четвереньки, скорчился как можно сильнее и с радостью заметил, что уменьшаюсь, сокращаюсь и становлюсь не больше немецкой крысы. И таким образом крадусь мимо двери. Девки заметили меня.

– Посмотрите, что это там ползет? – вскрикивает одна. – Неужто этот пропойца?

– Ты что, спятила? – говорит вторая. – Тот огромный, как бык, а это заморыш. Наверное, котенок швейцара.

– А я все же готова присягнуть, что это он, – сказала первая.

Но за мной они не пошли. Я, пылая от радости из-за удачной уловки, дополз до улицы. Там встал на ноги и тут же приобрел первоначальные размеры.

– Видимо, я не схожу с ума, если я такой умница, что даже эти стряпухи видели меня таким маленьким. Мой разум соответствует объективной действительности: следовательно, он разумен.

120 Победоносно я скользил по улицам, быстро и легко как никогда, не обращая внимания на то, что меня окружало. Только на площади я заметил, что вокруг полно народу. Как тени облаков, все эти люди быстро ползли по земле: никто не разговаривал, но многие шевелили губами... Их шаги пахли холодной мертвечиной... И тут я понял, что звуки для меня стали запахами, что я совершенно лишился слуха, и только поэтому люди не говорят. Это омрачило мою радость.

– Может быть, я лишусь и зрения, и кто знает чего еще... Да, все дрожит, колеблется. Солнце покраснело, хотя сейчас полдень, а небо глубокое, голубое. Это кровь вытекает из его нутра... Скверно все это...

Я очутился за городом. Шагал все медленнее. И из моего ужасающе израненного нутра вытекала кровь. Меня стало охватывать темное отчаяние. Солнце, все более страшное и какое-то угловатое, заходило ужасающе быстро, точно, зная о своей болезни, хотело поскорее добраться до ложа. И тут я как будто все-таки *что-то* услышал: слабенькие, темные, гулкие удары... Значит, я еще слышу – но почему именно это? Этот стук какой-то страшный... Он что-то важное значит для меня. Ах, что все это значит? Да ну его к черту, мне хочется спать... Но нужно еще дойти вон до того кирпичного завода... Я еле волочил ноги по красному, пустому шоссе. Удары то умолкали, то звучали гораздо громче, чем раньше... Видимо, приближались... Откуда эти звуки? Из меня? Нет – тьма за горизонтом, под горизонтом. Я вижу это так странно...

Когда-то, где-то я уже их слышал. Это было так ужасно! Наконец я у кирпичного завода.

Я кинулся в канаву. Сознание исчезло, удары прекратились. Но вдруг я вздрогнул, открыл глаза и ужасно испугался. Потому что завод исчез, и солнце разлилось по небу, похожее на кровавые лохмотья расстрелянного флага. Не успело вовремя добраться до постели!

– Но ведь этого всего не может быть! – внезапно воскликнул я, озаренный ясным осознанием самого себя. – Ужасно! Я полный безумец... Но это чепуха, опять новое безумие: как я могу быть сумасшедшим, раз я не в сумасшедшем доме? И, кроме того, я чувствую, что я не только объясняю вещи как безумец, но и сами вещи безумствуют. Это их вина... Мой разум находится в согласии с объективной действительностью; разве я виноват, что эта действительность не находится в согласии с разумом; мир, бытие не согласны с разумом; это самая суцая правда. Мир – сумасшедший дом... Следовательно, я все-таки сижу в сумасшедшем доме, и я все-таки сумасшедший. Ах нет! Все это – сон. А, в сущности, сон – самое что ни на есть безумие; сон является полновластным безумием, его царством, где оно со спокойной совестью бесстыдно развалилось. Видимо, с того момента, когда я в полдень проснулся, я только вижу сны... ха-ха, «проснулся»! Не проснулся я, а лежу в кровати в гостинице и вижу сон, что лежу в канаве... Но утро, до прихода слуги, я безусловно провел наяву... Но, Господи, знаю ли я это? Это тоже был, видимо, только сон.

Да – все это мне снится в моей кровати в моем доме, все это является продолжением сна о мужчине в клетчатой одежде. Но, Господи, знаю ли я это? Знаю я, что вчера вечером приехал домой? Безусловно, прав был слуга, когда сказал, что это

мне только снилось. Но можно ли ему верить, если он был лишь фантом моего сна? Ох, вполне возможно, что я до сих пор лежу под звездочками на дворе, и там мне все, все это снится. Или, может быть... что это было за ужасающее предчувствие... прочь, прочь!.. И что значит все это мудрствование, ха-ха, что может сон говорить о яви... Но – ведь, Господи боже мой, вполне может быть сном и вся моя выпивка в столовой, и дорога в Е., и то, что я – крупный торговец в Е., что я родился Матиашем Лебермайером, – ведь все это прошлое, которое я смешно называл «действительностью», ни на йоту не отличается (если не учитывать разные несущественные обстоятельства) от нынешнего сна.

Я лгал трусливо самому себе о существовании достоверностей на всем протяжении моей «жизни», – которых на самом деле не было, теперь я, рассматривая всю эту вечную комедию, стал благороднее... И где, собственно, мне снился этот сон, продолжавшийся, как казалось мне, пятьдесят три года, а на самом деле, может, одну только минуту? На какой кровати, в канаве, на дворе? На какой звезде? Но ведь все эти звездочки опять же являются плодами моего сна...

Я вижу сны где-то за ними, где нет пространства... Но и эти мысли – «за ними», «беспрозрачность», – являются только бредовыми сновидениями....

Нет, только какой-то адский котел, в котором варятся все эти черные, чудовищные, страшные «мысли» – это вещь сама по себе. Но чем является этот котел? Ужас! Боже, смилуйся над моей бедной полотняной душой! Но и ты только фантазия сна... Я, я – только черное метафизическое, метапсихическое чудовище, вечно видящее сны. Только

Я могу быть Богом! Я никогда ничего более ясно не понимал... Но для чего вся эта ужасная комедия? Зачем все это? Что все это? Будучи Богом, я не способен познать себя? Но тогда Бог – то же самое, что червь.

Еще несколько мгновений мелькали дрожащие привидения моих мыслей и потом исчезли.

* * *

123

Они начали пугать меня только тогда, когда я снова приблизился к городу. Солнечные лохмотья уже кто-то вымел с неба, и наступили зеленые сумерки.

Теперь направление моих мыслей было чисто практическим.

– Что теперь делать? Ночевать в канаве недостойно меня, кандидата на должность бургомистра в Е.. Вернусь в «Серебряное солнце» и заплачу – ладно уж. Почему бы человеку в особых обстоятельствах не заплатить? Пусть видят шлюхи, кто я такой! Я теперь здорово проголодался. Когда наемся и напьюсь, все будет в порядке... Но что я вижу? Где башня костела, будто указательным пальцем направляющая народ к Господу Богу? Исчезла! Совершенно! Но это вполне естественно: Бог взял ее на небо за то, что она так долго верно, тихо ему служила...

Я стал бродить по улицам. Испуганный народ бегал, как муравьи бегают с яичками, когда в муравейник кто-нибудь сунет палку. На всех улицах не хватало нескольких домов, как будто из десен то тут, то там повыдергивали зубы. Это забавляло меня, так что я громко визжал и распевал. Но вдруг мне пришла в голову мысль: «Что, если исчезла и моя гостиница? Боже мой, я лишусь ужина...»

Я пустился бежать. Останавливаюсь, смотрю. Гостиница исчезла!.. От нее осталась только дыра.

– Такая красивая гостиница! – горевал я. – Стоила, по меньшей мере, девяносто тысяч! Сколько убытку, ой-ой-ой! И мой чемодан исчез. Боже мой, я, дурень, не заплатил, правда, но оставил там чемодан с пятью тысячами. Мои воротнички, носки, моя вата от прелой задницы, такая беленькая – все пропало! Особенно потеря этой последней вещи огорчила меня настолько, что я стал реветь благим матом. Но это никого не удивило, потому что теперь плакал каждый второй человек – не столько из-за потери имущества, сколько от потери надежности и почвы под ногами, зная, что в вечности он убогий сухой лист, игрушка на черном ветру...

– А мой ужин! Я обязан сегодня шикарно поужинать, обязан! Но, может, она не исчезла, может, я плохо вижу!

Я надел золотое пенсне – не помогло.

– И кошелька нет, его украли у кирпичного завода, когда я спал... Но я должен шикарно поужинать... Для этого надо просить милостыню! Да, представлюсь слепым! – Усевшись на тротуар, протянув шляпу и зажмурившись, я стал слезно просить: – Добрые христиане, подайте Христа ради убогому слепому от рождения!

Но в шляпу ничего не падало, и отзывались только голоса.

– Он милостыню просит, а на пупке у него цепочка золотая, да такая, что на ней быка можно вести!

– А брюхо у него, как у стельной коровы!

– И говорит, что он слепой от рождения, а на синем носу у него золотое пенсне.

– Это спекулянт, на виселицу его, жид пархатого!

– Это патер Дрозд!

– Нет, это Муна*!

– Прочь с дороги, бык!

– Я его знаю! – запищала женщина. – Это колдун, он у нас в номере был, превратился в немецкую крысу, чтобы не платить за то, что у нас выдул! Он и есть причина нашего несчастья, из-за него, мерзавца, Богу не милого, людям противного, исчез сначала наш костел, после него башня и остальные дома!

– Святая правда! – заорал слуга из гостиницы. – Этот татарин и балбес пользуется волшебным заклинанием «Обошел я полей пять». Как только он вымолвит его, всё вокруг с ума сходит, столбенеет или исчезает. Когда я утром это услышал, так прямо одеревенел бог весть почему.

– Убейте его, брюхатого, колотите его, лупите его!

И они начали меня колотить – ой, ой! Тут я вспомнил свою последнюю уловку: встал на четвереньки и сразу обратился в крысу.

– Где он? Куда исчез?

– Вон там бежит!

– Да ведь это немецкая крыса!

– Нет, это он, смотрите, на морде у него золотое пенсне осталось!

– За ней, убейте ее!

Но я юркнул в канал и победоносно поплыл в фекалиях – как вдруг все исчезло.

* * *

Сижу на скамейке в знакомом парке. Лунная ночь. Нахожусь в полусознательном состоянии. Единственное, что чувствую – это почти звериный голод.

* Персонажи уголовной хроники начала XX века.

Вдруг слышу гудок локомотива, вижу свет недалекого вокзала.

– Вчера в это время я ехал на поезде в Е., – вспоминаю вдруг. – Ах, боже мой, я все еще нахожусь в Й. А что мне мешает сейчас же снова поехать в Е.? Вынимаю часы – почти половина девятого.

– Домой, домой, там меня ждет замечательный ужин! – завыл я от радости и, как олень, помчался к вокзалу. От блаженства разгоревшаяся кровь донесла до мозга более благородные мысли.

– Ох, как же я раньше не догадался это сделать! Здесь мое спасение, ура! Мой дом, мой магазин, моя жена снимут, наконец, проклятье этого бесконечного, ужасного сна, от которого я не могу, не могу очнуться!

Я вскочил в поезд как раз, когда раздался свисток... И почти сразу наступило забытьё... Я только успел подумать о том, что будет дома на ужин... А потом снова услышал эти ужасные, гулкие звуки за горизонтом, но теперь гораздо более громкие, чем после обеда. Они звучали все сильнее, пока не заглушили грохот поезда, так что его просто слышно не стало. Теперь ничего не существовало, кроме них. Волосы у меня встали дыбом. Они приближаются, приближаются, их цель – это я... До сих пор они были слышны за горизонтом, но с каждой минутой...

И вдруг они загрохотали в три раза сильнее, так ясно, так угрожающе, так близко.

– Они уже над горизонтом! – застонал я. – Бревна, которые будут вбивать меня в землю! И мне вспомнилось так ясно, мрачно, что когда-то, где-то, меня окружил целый лес бревен, торчавших до самого неба, постоянно поднимавшихся и падавших вспять на землю, ежеминутно вбивавших меня в нее глубоко, долго, целую вечность. И как незадолго до того я слышал свой собственный хрип, а

потом тонкий жалобный звон, видел черные одежды на человеческих тенях... Но не догадался, что это значит.

Это все приближалось, оглушало; черные, тонкие, невероятно высокие тени появлялись вдали, и сознание покидало меня...

А потом знакомый кондуктор, почтительно поддерживая меня, помогал мне выйти из вагона. Я находился в Е.!

– Я дома, дома, – повторял я про себя, спеша по таким странно знакомым улицам. – Ох, что теперь может случиться? Боюсь, что-то страшное... Но ведь... только теперь я понял... я не дома! Все время продолжается мой сон, я буду не у своей жены, а у фантома, ничего общего с ней не имеющего... Какой ужас – я чувствую, что за этим скрывается нечто невысказанно жуткое, притаилось уже за дверью, о, Боже, смилуйся надо мной, лавочным мальчуганом!

Я очутился на площади, увидел свой дом. В моей квартире, на втором этаже, все окна были темные, кроме двух – окон моего рабочего кабинета. Но магазин был все еще полностью освещен. Как заплясало мое сердце, когда я снова увидел в витрине эти беленькие кружевные дамские рубашечки и нижние юбки, фланелевые мужские кальсоны, белоснежные носовые платочки, огненные головные платки! Знакомые мне девушки мелькали за прилавками... Я облокотился на фонтан посередине площади. Старые воспоминания о прошлой жизни били ключом – но все это было не то, это не было наяву – иная, как во сне, атмосфера, давила мою душу эфирным туманом...

И внезапно я увидел в магазине лицо моей жены, которое когда-то, где-то наполняло меня небесным блаженством.

И сразу так живо, пламенно загорелось воспоминание о первом объятии обнаженных тел, – что мой дух в этот момент снова бодрствовал как раньше. Исчез туман сновидений, я тут же всемогущей силой мысли попал в совершенно иной мир. Что-то ударило меня словно электрическим током, все потемнело, тело мое исчезло, но только на секунду. Потом я снова очутился здесь: в стороне – темный силуэт храма, передо мной – светлый магазин. В телесном отношении я чувствовал себя по-другому, более острый и будничный свет освещал душу, я бодрствовал полностью, бодрствовал – ужасающая мистерия! Хотя настроение мое было иное, чем обычно, но оно никак не отличалось от того, что бывает у нас наяву.

– Наконец я проснулся! – ликовала моя бедная душа. – Однако... как это возможно? Каким образом я очутился у этого фонтана? Ведь мы просыпаемся в кровати?.. Я не додумал...

Я вошел в дом. В подъезде встретил дочку одного из квартирантов. Она остановилась, закричала и убежала. Какой-то странный мороз пробежал у меня по коже...

Поднимаюсь по лестнице... «Крадусь как привидение», промелькнуло у меня в голове, но я быстро отогнал эту ужасную мысль. Я остановился перед дверью кухни. Слышу за ней голос жены, такой тихий и глухой. Дотрагиваюсь до ручки двери – что это оттолкнуло мою руку?.. «Нельзя испугать ее внезапным появлением», – сказал я себе и в противоположном конце коридора вошел в приемную, чтобы обдумать, с чего начать разговор.

Жалюзи в помещении были спущены, так что я не мог найти даже стула. Но замочная скважина двери, ведущей в мой кабинет, была ярко-желтая... Я вошел туда...

Свет исходил от двух огромных свечей, стоявших над открытым гробом. Под белой простыней обрисовывались очертания могучего тела. Я отдернул ее...

Никогда я не видел мертвеца, лицо которого было бы так искажено от ужаса. Помню еще, что я дико закричал, а в дверях, в сопровождении прислуги, появилась плачущая жена, раздался ее крик: «Господи Иисусе, их – двое...», и она упала на пол.

129

И потом все исчезло. Я очутился где-то в темноте – с телом? Без тела?.. Не знаю.

– Я мертвец... – ужасно заорало что-то во мне. – Но... но на самом ли деле? Не сон ли это?.. И вообще не сон ли это все? Существует ли смерть? Может, все это – загробный мир?

И вдруг я увидел вокруг исполинский лес до самого неба, услышал страшный раскат грома, затем второй, и, извиваясь до атомов, почувствовал, что глубоко вбит в гнусную землю... И прозвучало: «Обошел я...»

* * *

Здесь обрывается рассказ, опубликованный в виде «директивной записи» духа Лебермайера в журнале «Вера – врата к Господу – сборник для научной селекции спиритических феноменов». Познакомившись с господином Р., человеком, который, право, заслужил судьбу получше, чем быть его редактором, я попросил его сообщить подробности об этой статье. Вот его ответ в самой краткой форме:

– Этот оригинал я получил от фанатичного спирита, у которого он однажды ночью вдруг появился на бумаге в запертом ящике стола. Человек этот не способен жульничать по той причине, что для этого он глуп. Хотя я знал, что гротеск этот может

повредить репутацию нашего высокоуважаемого журнала, я решился опубликовать его; главное из-за того, что, по сравнению с бараньей серьезностью всех спиритов, теософов и т.д., он умеет смеяться высокомерно, скептически; что в отношении философии он стоит несравнимо выше всей этой оккультной литературы, не ведающей, например, о философском идеализме, о Беркли, Канте, Шопенгауэре и т. д. Постмортальная и земная жизнь представлены как сон; вечность, само бытие выступают *sub specie aeterni Somni**; это нечто иное, чем например материалистические трюизмы о четырех телах, различении тела и души и внесении наших животных ограничений в Феерию извечного бытия. Прежде чем напечатать материал, я хотел убедиться, живет или не живет в городе Е. – нетрудно было догадаться, какой областной город здесь подразумевается – господин Лебермайер, но из-за преступной лени не сделал этого. Примерно одна треть доклада была опубликована. Вскоре я заметил, что из Е. приходит огромное количество заказов на этот номер, а затем в редакцию вошел господин весьма внушительной наружности с довольно звериным лицом и с суковатой палкой. Он швырнул на стол свою визитную карточку и свидетельство протопресвитера города Е., что он жив и никогда не был мертвым. О том, что следовало после этого, не буду рассказывать. Мужик бесспорно весил почти два центнера. Счастье, что он только расколотил половину мебели в редакции, ударил меня по спине и обругал словами, оскорбляющими мое достоинство. Из-за этого он хотя бы не подал на меня жалобу. В конце концов, право было на стороне бедняги. Я очень повредил ему тем, что чуть было не лишил средств к существованию. По

* С точки зрения вечного Сна (лат.)

всей вероятности он стал бы мэром города, а теперь, представьте себе, каждый мальчишка, видя его издалека, становился на четвереньки, пищал как крыса, обкусывал куски сала, надев на нос желтые бляхи. Я и подумать не смел о том, чтобы продолжать публикацию оставшегося материала. На счастье, опубликованная часть сама по себе закругляет целое, рядовой читатель удовлетворился фиктивной развязкой. В действительности до самого конца остается неразгаданным, убил ли Лебермайера тот сон или все является сновидением пьяного человека, и т. д. Проблема Жизни не так проста, как представляют себе ее не только рядовые читатели, но и самые знаменитые философы. Я благодарен, что повествование пришлось прервать; продолжением его я, как редактор, безусловно свернул бы себе шею; в нем гораздо больше дикости, безрассудства, кувырков, хулиганства, скандалов, чем в первой части. Но одновременно мне это обидно – например, этот озорник феноменально разгадывает загадку кошмарности слов «Обошел я полей пять». Кто был этим озорником? Думаю, что другой человек – по той причине, что духи пишут гораздо глупее. Но не исключено, что это был дух, имевший при жизни зуб на Лебермайера и теперь мстящий ему. Вы улыбаетесь? Вы думаете, что я допускаю такую возможность, поскольку я – редактор теософской газетки? Нет! Я не верю в спиритизм, но не верю и в позитивизм, ни во что не верю и даже в это не верю. Но именно поэтому допускаю возможность всего, всего. Это безобразие, что я – именно этот редактор, но оно ничуть не станет меньше, если я сообщу вам, как хорошо я сегодня пообедал. Жить – значит лгать, и сверх этого ничего нет; может быть, осознание этой лживости всего еще более лживо, чем способность людей лгать самим себе, что они все знают и говорят правду.

ПОДЛИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, СЛУЧИВШЕЕСЯ В ПОСТМОРТАЛИИ

В полночь Генору приснилось, что уже настало утро и что он вошел в свой рабочий кабинет, где проводил большую часть времени, копаясь между пальцами ног, почесывая спину или ковыряя в носу. Он вошел, и что он увидел? На стене уже сидело красноватое солнечное сияние, мутное, тихое, зловещее...

– Убирайся вон, блядь! – воскликнул он, испугавшись и рассвирепев. Но оно не только не послушалось, но засмеялось, как бы проникая еще кошмарнее в его психическое тело. Генор готов был, как безумец, колотить его кулаком, но оно оставалось на месте, и Генор, лоб которого pokrылся холодным потом, услышал хохот, исходящий как будто из всех углов. Спыхватившись, он встал. – Так вот ты как? – заорал он. – Ну, сейчас посмотрим, долго ли ты будешь смеяться! – С этими словами он подбежал к занавеске, но тут взгляд его упал на клетку, подвешенную у окна. И что он увидел? Среди семечек и помета лежала на спинке желтая птишка, лапки ее торчали в небо. – Черт возьми, – сказал Генор, – я всегда видел ее, стоящую на тонких ножках – и вдруг она лежит тут как кукла, схватив когтями воздух!.. Что же

это значит?.. Ах, ну конечно! Наконец-то у нее заболели ноги, и не удивительно, что ей захотелось чуток отдохнуть! – Не успел он договорить, как последнее слово навеяло на него грусть, и непонятый ему ужас стал все страшнее подниматься из глубины его души, в то время как таинственный вздох прозвучал у него над головой. Сам не зная почему, Генор начал по-детски всхлипывать... И тут он увидел, как грудка канарейки задергалась, как будто лукавая пташка задерживает дыхание... Грудка волновалась все сильнее – чуть не лопнула – как вдруг маленькое чудовище поперхнулось, захохотало, запело в самой высокой тональности, с жестокой насмешкой и невыразимо жутко. Ноги Генора онемели, волосы встали дыбом – вдруг ножка канарейки высунулась из клетки – молниеносное движение – и когти ее вонзились в его глаза, за глазницу, и канарейка со львиной силой подтянула голову Генора к самой клетке. А потом его череп оперся о землю, желтое тельце от этого поднялось выше – ужасный момент – потом – как клюнет! Страшный клювище расклевал череп Генора как семечку и жутко, точно свинья в навозе, принялся рыться в его мозгу. Генор проснулся, сел и захрипел. Потом ощупал череп, на котором среди рыжей, вставшей дыбом щетины, капли пота сливались в одну лужу; обнаружив, что череп цел, и видя, что в черном окне флуоресцируют звезды, он снова лег и уснул. Но теперь ему больше ничего не снилось, и случилось так, что солнце осветило его спящее лицо.

Это заставило его повернуться. И в полусне возникали следующие мысли: «Интересно, что будет сегодня на обед? Эх, все равно он будет говенный! Господи, неужели снова придется жрать это дерьмо. Э, да какая разница? Однажды я прыгнул

с забора на живот две недели назад подохшему псу, он сблевал, я попробовал – ей-богу, это было вкуснее, чем сготовленное ею говно. Тогда она еще ходила – чертова жопа! Я совершенно забыл, что она уже два месяца подыхает, и готовлю я сам! Я жил как пан Броучек* в прошлые времена – у меня больше прав, чем у него, потому что «эмпирическая действительность» не существует и только идея и иллюзии реальны. Когда же она наконец сдохнет? Вчера – черт побери! Ура!»

Он соскочил на пол, заорал, и его собачья морда засветилась от наслаждения. «Вчера вечером ей сделалось так плохо, что я сказал про себя: если она проживет до утра, это будет чудо! Наверняка она уже сдохла! Ура! Иначе не может быть! Сколько мышьяку, цианистого калия я ей надавал – пятьдесят китов околело бы – но где там – с таким ружьем в бабу не попасть! Но и говно когда-нибудь перестает дымиться!»

И он живо вышел в коридор в одной только грязной рубашке. Это был молодой человек с неблагоприятной душой и отталкивающей внешностью; лицом удивительно похож на собаку или крысу, нос полностью разъеден раком, и из вечно открытого беззубого рта постоянно до самого подбородка висел зеленый язык, с которого вечно капал гной; источником его, был очаг у корня языка, круглый, величиной с монету в пять крон, состоявший из крупнозернистой субстанции и непрерывно выделявший розовато-желтоватый прозрачный гной, похожий на тот, что иногда капает в избытке из ушей некоторых людей, и на желатин на тортах. Половина его вытекала изо рта, половина стекала в желудок. Если бы Генор был экономнее, он бы

* Герой книги Сватоплука Чеха (1846-1908) «Путешествия пана Броучека».

закрыл рот, и ему не нужно было бы ничего есть, так как он этим самым стал бы каким-то органическим перпетуум-мобиле. Его мозг был таким маленьким, что вместился бы приблизительно в три наперстка. Руки доходили до щиколоток. Правая ступня была узкая, длиной в один метр, левая была нормальной длины, но шириной в полметра. Живот, удивительно заостренный, был такой огромный, что, когда Генор стоял, он видел только ногти своей длинной ступни. Его задница не состояла из двух половин, а образовывала только один шар, в центре которого краснел без всякого стыда задний проход, ко всему еще сильно выпяченный, как будто ему хотелось целоваться. Генор медленно ковылял по коридору, склонившись вперед и тараща козы глаза; иногда он помахивал согнутыми руками, как машет крыльями птенец, когда родители кормят его, и приговаривал при этом бл-л-л-л, как черт в кукольном театре. Стены слабо отражали свет большой звезды. Жуткие сумерки, тихие и гнетущие, царили не только здесь, но и на улице, все дрожало как во сне, парадоксально; что-то таинственное угнетало землю, как будто с высоты давили на ландшафт сотни других, более счастливых миров.

Он остановился перед дверью спальни своей любовницы Гены и жадно прислушался. Была тишина. «Ох, сдохла, сдохла! – тихо ликовал он. – Наконец-то я здесь стал хозяином.» – Вдруг он ужасно, таинственно испугался. За дверью раздался ужасающий звук, как будто кто-то заводил часы... Затих, повторился снова, постоянно и все страшнее усиливаясь.

– Что это? – застонал он. – Разве она еще не сдохла? Или это кто-нибудь другой? Нет, это она хрипит... Но почему я боюсь?

Наконец он механически нажал на ручку двери. Ужасное зловоние ударило ему в лицо, а одновременно и красное солнечное сияние, мутное, тихое, сидящее на стене над кроватью. Он огляделся вокруг – никого здесь не было. Он тихо подошел к кровати.

136

Подушки и перины были страшно загажены, покрыты толстым слоем дерьма, испачканы гноем и прочей гадостью так, что не было видно ни кусочка ткани. Посреди этой пакости лежала голова, если ее можно было так назвать. Там, где она не была покрыта дерьмом, она представляла сплошную язву. Нижняя челюсть сгнила. Только глаза свидетельствовали о том, что это человек. Они уставились в потолок. Ничего не двигалось, только из страшной пасти постоянно исходил жуткий, нечеловеческий хрип – то ослабевающий, то усиливающийся, судорожный, как бы борющийся.

Глупо смотрел на нее Генор... Таинственный ужас перед чем-то грядущим пронизывал его. Медленно и тихо лезло солнечное сияние по стене к паскудному лицу. Хрип становился все более гулким, затрудненным – и как бы более артикулированным – пока, наконец, не прозвучали жуткие, приглушенные слова:

– О, какое блаженство! Какое блаженство! Какой свет! невиданно сладостный! Разве может в мире существовать счастье такое? Такая божественная легкость! Все бремя чудом свалилось с меня – о! почему я с ним так долго таскалась!

«Ага! Она в агонии! Хе-хе-хе! – догадался Генор. – Вот теперь, наконец, сдохнет – ура! И смотрит уже скорей всего в небо. Господи боже, пожелай ей его, я ей тоже пожелаю, но только когда ее здесь больше не будет».

– Что это такое со мной произошло? Что я такое? Не вижу, а все же чувствую вокруг себя безграничное сияние – вижу уже по-другому, таинственно; не слышу – но безграничные симфонии гремят в моей душе, полностью овладели ею; не осязаю – но все же все мое существо вкушает сладость – оно полностью преобразилось в язык! У меня нет мыслей, я вся превратилась в блаженство, в чистое блаженство без примесей! О если бы всегда так было!

137

– Так тебе стало легче, милая Гена? Ну, это хорошо, это хорошо. Я это знал, ты уже выглядишь намного лучше, совсем здоровая, свежая, как распускающийся с утра бутон розы! Только нужно, чтобы ты еще больше ела, я принесу тебе еду, хочешь?

– Свет – сладкий свет – легкий свет везде – везде!.. Но нет – все-таки нет – там – там внизу как будто виднеется темное пятно. Или это не пятно? Это только давление на мое бесконечное летающее блаженство? Да – да – я чувствую, что меня это притягивает к себе, тянет ниже – слегка – но зловеще – оно привязывает меня к себе – не хочет меня отпустить – и это что-то нечистое, гнусное.

– Это иначе не может быть, милая Гена, ты не можешь сразу вдруг выздороветь... Но до вечера будешь здорова как огурчик – только ты должна как следует поесть. Я принесу тебе теплое молоко, быстренько сделаю тебе лапшу, как следует ее заправлю маслом, чтобы у тебя было прекрасное дерьмо!

– Сладкий свет – я хочу умереть в тебе. Но все же – что это так грубо потянуло меня к себе, вниз – Ух – это гнусное пятно увеличилось – я хочу улететь от него – выше – выше – мне страшно – а мой свет становится таким мутным...

Слова кончились и перешли в хрип, он становился все слабее... Генора снова охватил ужас. Хрипение наконец прекратилось... Ужас увеличивался – что-то черное как бы парило над ним, все вокруг словно уплотнилось, затихло — затянулось паутиной — солнечное Сияние над самым ложем подвинулось вперед — и страшно перепуганному Генору показалось, что оно как будто заговорило.

«Когда оно наконец спустится на эту голову, произойдет что-то ужасное, произойдет взрыв, — сказал он про себя, — а в любой момент оно может на нее перескочить...» И вдруг с криком он пустился бежать и не утих, пока не очутился в саду, окружавшем дом.

Некоторое время он хрипел, потом посмотрел на окно спальни. Не увидел там ничего подозрительного; в саду раздавалось пение птиц и жужжание мух. Солнце пожелтело и посветлело, и Генор успокоился: «Мне кажется, — сказал он про себя и весело рассмеялся, — что я сошел с ума. Она подышает, вот и все. А, может быть, уже подохла... Не летит ли теперь между ветвями ее душенька? Нет — ведь это естественно: ее душа была из говна и зароется в землю. Ах, наконец-то я дождался, сегодня светит прекраснейший день в моей жизни!»

И, воя от радости, он энергично зашагал, насколько позволяли ему его странные ступни. Свежий ветерок приподнимал его грязную рубашку и показывал смеющимся птицам выпяченный Геноров анус.

Он прошел почти километр, когда очутился в конце сада... Буйные луга, покрытые ручьями и озерцами, красовались перед ним... Они прямо кишели животными: стадами коз, овец, кроликами, зайцами, курами, утками и т. д. За ним подни-

мались холмы, на их вершинах небосклон сходил-ся с землей. Туда направил Генор свои стопы, он шел навстречу солнцу.

Луга были шириной более километра; чем дальше Генор шел, тем менее буйной становилась трава, тем было теплей, тем удивительнее увеличивалось солнце. Наконец почва стала скалистой, и начался подъем... Несмотря на сильную жару, юноша все выше и выше поднимался против солнца.

139

Наконец он оказался на месте, где небосвод касался вершины. Он был из камня, полупрозрачного, твердого, как алмаз. Солнце, месяц, звезды были отверстиями в нем, и так как они были светлые, можно было судить, что местность за ними была тоже более или менее светлая... Мы здесь представили бы много интересных сведений об этих краях из области астрономии, метеорологии и т. д., если бы нам вообще было интересно описывать одежду человека, так как видимый мир является всего лишь тряпкой духа, душа есть сама природа, в которой лишь тот чего-нибудь стоил, кто был всего лишь психологом, природоведение – это эвфемизм поверхностного человечка.

Чуть-чуть быстрее улитки поднимался небосвод.

– Эй, свинья! – заорал Генор и начал пинать его ногами. Он ржал и скакал: – Я конь, я конь! – Тысячу раз он пытался расколоть его, и всегда мотыга ломалась после первых ударов! Не было выхода из этой круглой тюрьмы, которую можно было обойти за один час, и на которой покоилось давление многих таинственных миров, и где постоянно царило зловоние дерьма – он находился в тюрьме.

Книги издательств
«Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Dodo Space» Рождественский бульвар, д. 10/7
«Гилея» Тверской бульвар, д. 9
«Циолковский» Новая площадь д.3/4
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Проект ОГИ» Потаповский пер. д. 8/12, стр. 2
«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в Петербурге:

«Борхес» Невский пр., д. 32-34
«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
ДК им. Крупской, стенд фирмы «Ретро»
«Индиго», Невский пр. 63а

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92

Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

Ладислав Клима

ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Kolonna Publications.

Россия, Тверь, улица Благина, 6А, офис 301
Подписано в печать 03.06. 2011. Тираж 500 экз. Заказ № 1184
Формат 70 x 100/32. Объем 6,5 п. л. Гарнитура itc Charter
Отпечатано в ооо «Осташковская Типография»
172750, Россия, Тверская обл., г. Осташков,
ул. Володарского, 33